

ГОЛИБ САИДОВ

Мысли вслух

Голиб Саидов

Мысли вслух

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9256639

Саидов Г. Мысли вслух: Ридеро; 2015

ISBN 978-5-4474-0543-4

Аннотация

Вы держите в руках книгу-исповедь, в которой автор делится не только своими мыслями, но и чересчур интимным и сокровенным, поскольку рассматривает читателя как своего самого близкого человека и единомышленника. И если по прочтению данной книги друзей станет чуточку больше, то поверьте – большей награды автору и не надо.

Содержание

Часть I – Байки	5
Азбука бармена	6
Узбекская матрёшка	7
«Илюша-американец»	8
Кроксворд-регбус	9
Гусейн Гуслия	11
Тройная уха	13
Лаба дена	16
Лабас вакарас	18
Дженькуе бардзо	20
Как был развенчан миф о вожде	22
Поединок	24
Мусульманские колядки	25
Заботливое чадо	28
Плоды самосознания	30
Первая ласточка	31
Железная логика	32
Культурная столица	34
Советский пасьянс	35
Цугцванг	37
Велик и могуч	39
Неприятный разговор	40
Хайри	41
Сложный выбор	42
Дебри медицины	43
Корейский счёт	44
Сто метров	45
Арам шум-шум	48
Диля	50
Дороги, что нас выбирают	52
Случай в маршрутке	54
Яйца от чёрной курицы	55
Воспоминания ветерана	56
Полцарства за... кота в мешке	57
А у нас в квартире газ	60
Уроки этикета	62
Приметы конца	63
Ностальгия или испорченный телефон	64
Восток – дело тонкое	65
Восточная сдоба	67
Потомок русичей	68
Таджик-грибник	69
Табор, ушедший в небо	70
Туалетная история	71
Суровые законы жизни	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Голиб Саидов

Мысли вслух

© Голиб Саидов, 2015

Корректор Голиб Саидов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть I – Байки

Буревестник.

В середине ноября 1982 г. я впервые оказался в Ленинграде. Незадолго до этого не стало Л. Брежнева...

Так уж вышло, что в феврале 1984 года мне вновь довелось очутиться на берегах Невы. На сей раз, буквально за два-три дня до моего приезда, умирает Ю. Андропов.

Мой друг, встречая меня в аэропорту и радостно тиская:

– Господи, Голибушка! Ты бы почаще к нам приезжал...

Азбука бармена

Помнится, самое первое, что я сделал, очутившись за стойкой бармена, это составил огромный список, который был разбит на две колонки: в левой её части мною старательно были выведены корявым почерком русские слова и предложения. После каждой строчки следовал прочерк, то есть тире и ... далее – было пусто.

С этим листком я поочерёдно подходил ко всем нашим гидам с единственной просьбой – заполнить пробел в правой колонке. Соответственно, на разных языках.

– Зачем тебе это надо? – с улыбкой поинтересовалась одна из моих знакомых, которая работала с итальянцами.

– Как это, «зачем»? Должен ведь, я как-то изъясняться с иностранцами? – в свою очередь, удивился я.

– Нет, ничего, конечно, – смущённо ответствовала подруга, с трудом сдерживая свои эмоции. – Ну, например, вот здесь! – ткнула она указательным пальцем в строчку и, не выдержав, громко рассмеялась. – Или вот тут!

«Что Вы делаете сегодня вечером?» – прочитал я, стараясь сохранить невозмутимость.

«На сколько дней Вы приехали в Бухару?» – стояло чуть ниже.

«Давайте выпьем».

«Хотите узнать, как выглядит восточная спальня?».

И так, до самого конца списка...

Узбекская матрёшка

Не могу удержаться, чтобы не поделиться впечатлениями моего наблюдательного минского друга, гостившего (на тот момент) у меня на родине и побывавшего в одном сельском магазинчике.

По его возбуждённому состоянию и лукавым глазам я понял, что произошло что-то жутко интересное.

– Представляешь, – ошарашено наклоняется к моему уху друг, с опаской озираясь по сторонам, словно кто-то нас может подслушивать, – там, в магазине я увидел набор кухонной посуды.

– Ну и что? А ты там хотел застать: пушку или танк? – попытался съязвить я.

– Да нет же! Ты загляни.

«Ну, что может быть интересного в обычном сельпо?» – подумалось мне. Однако любопытство взяло верх и я, войдя вовнутрь и подойдя к указанной витрине, остановился возле набора алюминиевых кастрюль, недоуменно уставившись на обычную хозяйственную утварь.

– Ну, и? – не понял я.

– Читай – шёпотом произнёс Андрей, кивнув головой на ценники, разложенные аккуратно под каждой из кастрюль.

Даже мне, привыкшему ко всему, сделалось смешно, когда взгляд упал на один из них. Под самой большой кастрюлей лежал ценник, на котором старательно было выведено «Каструл».

– Ну что ты хочешь от простого кишлачника? – попытался я защитить своего земляка.

– Нет, нет. Ты дальше читай.

Далее моему изумлённому взору предстала кастрюля чуть меньших размеров, под которой тем же почерком было написано: «Каструлка».

Я не выдержал и засмеялся. Но... оказалось, что ещё рано, потому, что товарищ тихонько дёрнув за рукав, перенаправил моё внимание к третьей, самой маленькой кастрюльке.

«Каструлчик» – прочитал я сквозь слезы, и мы мигом выскочили на улицу, чувствуя на себе недоуменный взгляд хозяина-продавца магазина.

«Илюша-американец»

Не секрет, что после «перестройки» и развала Союза, многие люди на всем постсоветском пространстве стали паковать чемоданы и переезжать туда, где им жилось бы хорошо. Бухара, как известно, не явилась исключением. И одними из первых за кордон ринулись бухарские евреи.

История, которую поведал мне мой друг (бухарец), живущий теперь в Москве, касается одного нашего общего знакомого Илюши, покинувшего в своё время Бухару и обосновавшегося в столичном городе Нью-Йорке.

Мой друг, будучи как-то в Америке, совершенно случайно встретил этого товарища и – понятное дело – они разговорились. Причём Илюша производил впечатление такого делового, не то маклера, не то биржевика, ежеминутно вытаскивая из кармана свой недавно приобретённый мобильный телефон, входивший тогда ещё только в моду.

Товарищ мой был в явном замешательстве: ведь он знал, что не прошло и года, как несчастный бухарский еврей из махалли вступил на землю нового континента. Как он смог так подняться, ведь, чего только стоит выучить язык?

К счастью, вскоре у Илюши зазвонил телефон, после чего сомнения рассеялись, и все стало на свои места.

– Мебахшед, акажон (тадж. «Извините, брат») – скороговоркой произнёс Илюша, обращаясь к собеседнику – я вынужден поговорить по-английски.

Мой друг понимающе кивнул ему и услышал в ответ следующий диалог, а вернее – монолог новоиспечённого американца:

- Алло, алло, йес!
- Йес!
- Йес, Йес!
- Йес, олрайт!
- Йес!
- О'кей!
- Йес! Гудбай!

Кроксворд-регбус

Одними из довольно непростых, считались кроссворды, публиковавшиеся в известном в советские годы журнале «Огонек». Именно на него упал взгляд Славика, когда мы, будучи в очередной раз в гостях у Дамира, отобедав, решили скоротать время, до очередной пары занятий в институте. Набросив на себя маску безразличия, я как бы нехотя придвинулся с противоположного края дивана поближе к Славе. Дамир же, остался сидеть в кресле, расположившись напротив нас, за журнальным столиком. Он взял в руки журнал «Наука и техника» и уйдя в него с головой, вяло участвовал в общем процессе разгадывания.

Быстро раскусив самые лёгкие вопросы, мы вновь возвратились к началу и, поднатужив молодые мозги, решительно настроились – восполнить пробелы, которых оставалось немало.

– Та-ак... – медленно протянул Славик, сверля тупым концом шариковой ручки свой затылок, – часть народа, живущего вне страны его происхождения.

– Диаспора – донёсся до нас голос Дамира, молчавшего до сей поры и почти не принимавшего активного участия.

– Точно! – заёрзал на диване Слава, а я с завистью бросил короткий взгляд в сторону товарища.

– Едем дальше – продолжил Слава, быстро вписав найденное слово. – В древнегреческой мифологии – старшая из девяти муз, покровительница эпоса.

– Мельпомена... Терпсихора... – выпалил я то, что знал.

– Не-е, – протянул Слава, – здесь покороче.

– Каисса! – послал я вдогонку, но тут же вспомнил, что она является покровительницей шахмат.

– Каллиопа? – неуверенно промолвил со своего места Дамир.

– Совершенно верно! – воскликнул Слава и мы взглянули на друга с уважением. – Следующий вопрос – 24-й по горизонтали: сплавы алюминия с магнием, обладающие высокой коррозионной стойкостью...

– Хрен его знает, давай дальше – не удержавшись, перебил я товарища, не дав ему закончить, но Дамир остановил нас.

– Куда спешим? Давайте подумаем.

И, буквально через секунду-другую:

– «Магналии», подходит?

– Подходит – с удивлением произнёс Слава. – Ни фиги себе, какие слова ты знаешь... Дальше, пункт 32 по вертикали: процесс накопления и окончательного осаждения осадков в водной среде.

– Может быть, «седиментогенез»? – со слабой надеждой в голосе промолвил Дамир, словно стыдясь перед нами за свою эрудицию. И вновь уткнулся головой в свой журнал.

Мы со Славиком переглянулись и тупо уставились в кроссворд: слово подходило. Причём сходились слова и по горизонтали.

– Группа непарнокопытных млекопитающих, внешне напоминающих лошадей – произнёс мой товарищ, и мы торжествующе уставились на великого всезнайку.

– А сколько слов? – на всякий случай поинтересовался Дамир.

– Много! – злорадно вставил я, будучи совершенно уверенным, что на этот вопрос никто из нас ответа не знает.

– Я слышал, что есть какие-то «халикотерии» – еле слышно пролепетал Дамир, на что в ответ у Славика вырвалось:

– Блин, точно – подходит!!

– Ты чего сегодня жрал? – вежливо поинтересовался я у товарища.
– Просто, везёт... – друг стыдливо потупил свой взор.
– Остался последний вопрос! Неужели мы отгадаем весь кроссворд?! – воскликнул Слава и продолжил: – Род подводных растений семейства водокрасовых.
– «Валлиснерия»!!! – успел выкрикнуть Дамир и, закрыв лицо журналом, затрясся в едва сдерживающемся приступе смеха.

Наконец-то, до меня дошло: я подскочил и резко выдернул из его рук журнал «Наука и техника», вслед за которым на пол упал свежий номер журнала «Огонёк», с ответами на разгадываемый нами кроссворд.

Гусейн Гуслия

Советская эпоха была примечательна не только съездами, «пятилетками в четыре года» и бессовестной пропагандой, но и своими многочисленными кампаниями, которые постепенно, по мере приближения к «коммунизму», приобретали статус постоянных, являясь неотъемлемой частью существующего строя. Будь это, «коммунистические субботники» или «освоение целины», «помощь в уборке урожая картофеля» или «строительные отряды», снаряжавшиеся для отправки на «стройку века» – БАМ (Байкало-Амурская Магистраль). Без них невозможно было представить жизнь простого советского человека, который начиная со школьной скамьи, проходил несколько стадий «посвящения».

И уже в студенческие годы большинство из нас, наконец, полностью прозрев и приняв «правила игры», установленные сверху, с юношеским задором и энтузиазмом восторженно встречало каждое последующее Постановление Партии и правительства. Так, очередную «хлопковую кампанию» мы ждали с нетерпением и искренней радостью, строя свои планы, ничего общего не имеющие с планами ЦК КПСС. Мы были молоды, красивы и уверены в себе. Это была прекрасная пора, когда живёшь беззаботной студенческой жизнью и не заглядываешь в будущее дальше предстоящего семестра. Едва, проучившись неделю, в начале сентября объявлялась «хлопковая кампания». А это означало:

- прекращение лекций и всякой учёбы;
- как минимум – трёхмесячная «командировка» в колхоз, где мы, по идее, должны помочь колхозникам собрать урожай «белого золота», как тогда любили называть хлопок в телевизионных репортажах;
- всевозможные приключения, танцы по вечерам, под катушечный магнитофон, романтические знакомства, студенческие приколы и бесконечный юмор.

Словом, – это было по душе.

Единственное, что несколько омрачало, это – макароны. Они неизменно входили в ежедневный рацион несчастного студента и избежать их можно было только одним способом – объявить голодовку. Однако, решиться на эту крайность, почему-то, никому не приходило в голову. Макароны нам снились по ночам как кошмарные привидения, изменяя свой облик и превращаясь в ужасные чудовища. Они неизменно возникали перед нашими взорами и в обед и на ужин.

Величайшим верхом тупости и бестактности считалось, если кто-либо нечаянно забывшись, задавал вопрос: «А что будет завтра на обед?».

Стаж студента хлопкоуборочной кампании исчислялся километрами накрученных макарон. Этот «километраж» ценился более всего и являлся пропуском на любую «тусовку». Правда, тогда ещё такого термина не существовало...

Учился на нашем курсе мой однофамилец – Саидов Ахтам – старше нас по возрасту года на три – четыре.

После очередного «макаронного» ужина сделалось ему как-то нехорошо: забурлило что-то там, внутри и выгнало срочно на улицу. А поскольку, специально для студентов туалетов никто не строил, то – простите – сортиром нам служили бескрайние хлопковые поля. Выбирай любую грядку и – сиди себе на здоровье. От постороннего взгляда тебя укрывают низкорослые кусты хлопчатника, а высоко над тобою – глубокое южное небо, на котором нежно переливаются жемчужины-звезды, пугая и одновременно маня к себе своим загадочным и таинственным мерцанием. Благодать! Все располагает к умиротворённому созерцанию и философским размышлениям.

Если же, конечно, тебя никто не беспокоит.

Ахтаму в тот вечер не повезло: именно в это самое время, известный на весь факультет своими глубокими астрономическими познаниями и досконально изучивший все 88 созвездий северного полушария астроном-самоучка Голиб, вывел в чистое поле внушительную часть женского электората на экскурсию по звездному небу.

То ли звезды в этот вечер расположились не так, то ли Ахтам не совсем удачно выбрал место, сказать трудно. Одним словом, маршрут лекции в точности совпадал в этот вечер с траекторией перебежек моего товарища.

Я же, увлеченно пересказывая трогательную историю спасения Персеем Андромеды, понятное дело, даже не удосужился прислушаться к шуршащим впереди меня кустам хлопчатника. Переходя от одного созвездия к другому, я неотступно, грядка за грядкой, преследовал своего несчастного сокурсника. Мои благодарные слушатели, вместе со мною, витали на седьмом небе.

Только однажды, когда мы подобрались к истории охотника Ориона, нацелившего свою дубину в правый глаз «быка» – звезду Альдебаран, до нашего уха явственно донесся едва уловимый стон, но, поскольку все были буквально заморожены рассказываемой легендой, то по вполне понятным причинам, отнесли сей стон на счет приготовившегося умереть быка.

Истории про мать Андромеды – созвездие Кассиопеи, про Плеяды и Волосы Вероники слушались уже в полной тишине.

По окончании экскурсии, когда мы возвратились обратно в свой лагерь, меня встретил такой громкий хохот в нашей комнате, что стены хрупкого глинобитного сооружения, служившего нам спальней, казалось, не выдержат и рухнут.

За несколько мгновений до моего прихода сюда ворвался крайне недовольный и злой Ахтам, который и рассказал о случившемся. Обычно, всегда сохраняющий невозмутимое спокойствие, на сей раз, он был крайне взволнован произошедшим, и только периодически вполголоса повторял про себя: «Нет, ну надо же: ё#анный «звездочет»! Прямо-таки, Гусейн Гуслия...

Тройная уха

Если б четверть века тому назад мне кто-нибудь сказал, что в Ленинграде – портовом городе – существует проблема с рыбопродуктами, я бы в это не поверил. Каково же было мое удивление, убедившись в этом воочию. Перебравшись окончательно в «колыбель революции» в 1984 году, я был шокирован отсутствием рыбы в городе, берега которого омываются водами Балтийского моря. Только не вздумайте опровергать это утверждение, ссылаясь на обилие замороженной рыбы, лежащей в фирменных магазинах «Океан». Тот, кто знает толк в рыбе, за километр будет обходить стороной такие заведения. Когда я произношу слово «рыба», то в первую очередь подразумеваю свежую живую рыбу.

Сейчас, конечно же, кое-где (например, в «Русской рыбалке»¹) можно не только встретить, но и самому принять участие в выуживании осетра или стерляди, которую тут же, на ваших глазах приготовят и подадут к столу. Но позволить себе такую роскошь может далеко не каждый. Я, например, с трудом могу представить себе рабочего Кировского завода, который после тяжелого трудового дня заглянул на часок в это заведение для того, чтобы пропустить стаканчик-другой холодной водочки, закусив при этом заливным из севрюжины или розовым стейком из лосося. Подобные заведения не для гегемона.

Что такое «мороженая рыба», до недавних пор, мои земляки не имели никакого представления, точно так же, как и жители Ленинграда не знали о существовании в продаже живой рыбы. Все это я называю парадоксом географии, ибо никак иначе сей «регбус» объяснить невозможно...

После знаменитой горбачевской «перестройки» и ельциновской «демократии», в ходе которых во всех бывших республиках Советского Союза ускоренными темпами пошли преобразовательные процессы, сопровождавшиеся различного рода социальными эксцессами и прочее, наша квартира в Питере, на какое-то время, превратилась своего рода «перевалочную базу» или коммунальную квартиру. В поисках работы и лучшей (а вернее – достойной) жизни, люди вынуждены были покидать веками насиженные «гнезда», перебираясь кто куда: в Россию, в Израиль, в Германию, в Штаты...

Так, очередным гостем в нашей квартире оказался мой товарищ Витя А., с которым мы некогда прожили в одном дворе более двадцати лет. А надо сказать, что на родине, в Бухаре, он был уважаемым и исключительно «нужным» человеком. Что и говорить, – заведующий кожно-венерологическим диспансером – должность, знаете ли, требующая почтительного отношения со стороны любого мало-мальски воспитанного и культурного человека. Особенно же, в советскую эпоху.

Погостив у нас с недельку, Виктор, который не скрывал своего восторга по поводу нашего гостеприимства, перед своим отъездом, взял с меня слово – позвонить ему, когда я в очередной раз соберусь посетить Бухару. А поскольку я считаю себя человеком обязательным, то понял, что какую-то часть своего отпуска придется посвятить своему товарищу.

Все так и случилось. Едва я ступил на землю Благословенной Бухары, как в квартире моей мамы, где я остановился, раздался телефонный звонок.

– Ну что, «питерский балтиец» – узнал я его голос, на другом конце провода, – небось, соскучился по настоящей рыбалке? В выходные ничего не планируй – мы поедем на Тудаккуль.

И не дав мне опомниться, быстро повесил трубку.

Как и следовало ожидать, в выходные к нашему дому подъехала машина и стала сигналить. Я наспех переоделся, попрощался с домашними и мы покатали в сторону волшеб-

¹ Элитный питерский ресторан.

ного изумрудного озера, расположенного в пятидесяти километрах от Бухары, среди желтых песчаных барханов.

– Слушай, Витя – внезапно вспомнил я. – А я ведь, не захватил с собой удочку?!

– Там все уже есть. – улыбнулся моей наивности Виктор и, коротко переглянувшись с водителем, громко расхохотался.

Мы прибыли на какой-то совершенно безлюдный полуостров, в середине которого сиротливо ютилась небольшая рыбацкая хижина, покрытая вместо крыши тростниками камыша. Немного поодаль стояла машина-автолавка ГАЗ-53. Возле хижины сутились несколько человек, которые завидя нас, выстроились как по команде в ряд, улыбаясь и приветствуя, по-восточному скрестив руки на груди и прижав их к сердцу. Судя по тому, как почтительно они разговаривали с Витей, я понял, что все уже было обговорено и продумано заранее. Я тут же сник. Все это мне напомнило фильм «Особенности национальной рыбалки», который только-только вышел на экраны кинотеатров. Естественно, до меня наконец дошло, почему на мой вопрос об удочке, Витя так рассмеялся.

Тем временем шофер, достав из багажника ящик водки, натужно пыхтя, пронес его мимо меня вглубь хижины. Несколько в стороне, мой взгляд зафиксировал наспех сооруженный из глиняных кирпичей очаг, на который двое молодых людей устанавливали большой казан емкостью в тридцать литров. Витя жестом пригласил меня под навес, примыкавший к хижине. Здесь располагался длинный узкий стол, с обеих сторон, уставленный деревянными лавками. Под навесом было удивительно прохладно. Всюду, куда бы я ни бросил взгляд, меня окружало бескрайнее озеро. Поверхность «зеркала» была спокойной, но спокойствие это было величественным и умиротворяющим.

– Да-а, – подумалось мне в тот момент, – здесь никуда не надо спешить: ни тебе метро, ни «час пик». Господи, хорошо -то как!

– Ну что, начнем? – вернул меня Витя на грешную землю.

Зная, что сопротивляться бесполезно, я лишь беспомощно и покорно кивнул головой в ответ.

Один из парней подошел к «автолавке» и открыл дверь. Моему взору предстал такой ассортимент свежей рыбы, что ему позавидовал бы не один директор фирменного рыбного ресторана.

– Сейчас специально для тебя приготовят тройную уху. – сказал Витя, разливая в стаканы охлажденную водку.

Вначале в кипящий котел были спущены небольшие (с ладонь) караси. Когда они сварились, повар выловил их и, уложив на блюдо, отправил угощение куда-то вглубь хижины. Затем в казан отправились сазаны средних размеров. Когда и они были сварены, я с удовольствием стал потирать руки, предвкушая отведать карпа, но товарищ меня остановил.

– Нет, наше блюдо еще впереди – пояснил он мне.

Наконец, настала очередь жереха. Через некоторое время нам вынесли большое плоское блюдо, на котором были уложены в ряд несколько рыбин, спровоцировавшие своим внешним видом обильное выделение из слюнных желез. Рядом в касушках² подали бульон, в котором варилось три вида рыбы. Что и говорить: слова тут бессильны выразить то наслаждение, которое я получил, запивая его после очередной стопки холодненькой водочки.

Одним словом, «порыбачили» мы славненько...

Не так давно в моей квартире раздался телефонный звонок. Звонил Витя. Из Германии. Теперь он живет там. Правильнее будет сказать, что там присутствует только его тело. А сам он живет, судя по его разговорам, в далекой, но близкой его сердцу Бухаре. Там, где осталась частица его души, не смирившаяся ни с социальными, ни с политическими катаклизмами,

² «Каса» – на Востоке, фарфоровая (керамическая) посуда под «первое».

происшедшими за тот относительно короткий промежуток времени, что останется в истории как «постперестроечное» время. Потому, что душа человека живет по своим законам, в совершенно ином измерении, где главными ценностями являются такие «малозначащие» и незаметные (на первый взгляд) вещи, как детство и старый родительский дом, дворовые игры и озорные проделки, бегство с уроков в кинотеатр и вечный футбол до поздних сумерек, и еще многое-многое другое из того сладостно-щемящего прошлого, что так согревает наши души теперь, когда мы стали взрослыми. А, следовательно, помогает нам жить и оставаться людьми.

Лаба дена

Именно так поприветствовал я Асту Вутвилайте в фойе шикарной гостиницы «Драугисте» («Дружба»), впервые попав на литовскую землю по приглашению моей знакомой в 1982 году.

– Добрый день, – ответила хозяйка мне по-русски, – добро пожаловать в Литву.

Она мило улыбнулась и жестом пригласила следовать за нею. Мы плавно пересекли почти безлюдное широкое фойе, оказавшись возле стойки «ресепшена». Аста тихо произнесла администратору свою фамилию, после чего мне мило улыбнулись и, пожелав приятного времяпровождения, вручили увесистый ключ от номера, где я должен был расположиться.

– Как? Ты еще не Вутвилини? – состроив на лице изумление, спросил я ее, давая понять, что разбираюсь в различиях окончаний в литовских фамилиях, которые существенно разнятся между обычными девушками и женщинами, вышедшими замуж.

Мы поднялись на самый последний этаж гостиницы, где нашему взору предстала сказочно-великолепная и завораживающая картина Вильнюса и, миновав стойку с дежурной по этажу, очутились в помпезно обставленном номере. Я предложил отметить мой приезд шампанским, бутылочку которого заблаговременно припас для этого случая, попросив дежурную принести нам хоть какое-нибудь подобие стаканов. Когда спустя две минуты она вошла к нам с маленьким подносом и двумя изящными бокалами, я остолбенел. Сбоку, на подносе покоилась маленькая квадратная бумажка: «За предоставление услуг». И чуть ниже – «5 копеек». Не в силах выдавить из себя что-либо членораздельное, я в смятении машинально протянул эту бумажку своей хозяйке, которая, заметив мое явное замешательство, поспешила успокоить «дикого архара», пояснив:

– Успокойся: просто, это гостиница от Совета Министров Литовской ССР...

Спустя некоторое время, я уже сидел в мягком кожаном кресле, закинув ноги чуть ли не на стол, с сигаретой «Camel» во рту, обзванивая местные ночные заведения Вильнюса, а вокруг меня суетилась неугомонная горничная, которой я неосмотрительно подарил треснувшуюся по дороге дыню и оставил «на чай» один рубль. Она усердно и добросовестно протирала давно не существующую в номере пыль, не зная – каким еще образом отблагодарить меня за столь «невообразимую щедрость».

– Ну, мне пора – поднялась Аста, убедившись, что устроила меня не хуже, чем принял её в своё время я, когда она была моей гостьей в Бухаре, – располагайся и чувствуй себя как дома, а вечером я тебя приглашаю к нам домой, на ужин. Смотри, не опаздывай, в 19—00.

Я с благодарностью посмотрел на свою сдержанную гостеприимную хозяйку и только крепко, по-дружески, пожал ей руку.

А уже вечером, находясь в чисто литовской аристократической семье, я мысленно хвалил себя за сообразительность: на мне был одет строгий темный, в еле заметную полосочку, ненавистный мне костюм, хранившийся в единственном экземпляре, а ещё – по пути я догадался купить бутылку импортного коньяка и коробку шоколадных конфет в весьма эффектной упаковке.

Глава семейства – дедушка, с независимым гордым лицом и прямой осанкой – сидя в кресле, крепко сжал мужественную руку азиатского собрата по несчастью, также страдающего от деспотического тоталитарного режима. В этом его молчаливом акте я явственно прочитал дружественную солидарность и надежду на скорое освобождение, и независимость наших народов. Ужин прошел в типично прибалтийской манере: торжественно, строго и немногословно, с малозначительными репликами. Когда мое испытание подошло к концу и я, пожав уже на прощание руку старику, вышел на улицу, то непроизвольно выдохнул

от облегчения. Аста несколько виновато опустила свои глаза. Неплохо изучив меня, она прекрасно видела и понимала, какие двойственные чувства я испытывал в тот момент. Наконец, вновь глотнув свежий воздух улицы и свободы, я грустно улыбнулся ей и задумчиво произнёс:

– Кто его знает, а может быть дедушка твой и прав?

Лабас вакарас

– Лабас вакарас («Добрый вечер») – нежно шепнул я в трубку.

– Лабас вакарас – словно эхо отозвался на мое приветствие приятный женский голос на другом конце провода.

– Простите, – продолжил я по-русски, – не могли бы вы мне посоветовать самый лучший ночной бар Вильнюса?.

Мне на выбор было предложено несколько адресов с заманчивыми и интригующими названиями. Среди прочих, числились также «Дайнава» и «Эрфурт». Я выбрал «Эрфурт» и... как всегда ошибся. Мне следовало выбрать самый молодежный и демократичный бар «Дайнава». «Эрфурт» же, оказался хоть и самым дорогим на тот момент ночным заведением, но с солидным контингентом, включая почтенную в возрасте публику. Но это уже я узнал, как всегда, поздно.

– Вы будете один? – спросил меня все тот же голос. На мой утвердительный ответ, меня заверили, что постараются (если я не возражаю) подобрать мне такую же одинокую соседку по столику.

– О-о! Да, конечно же, да! – вырвалось у меня изнутри, обалдевшего от такого учтливового сервиса. «Даже – два!» – чуть не выкрикнул я, после некоторого замешательства, дабы подстраховаться и быть уверенным, что предвкушаемый вечер пройдет «без облома», но на том конце уже послышались короткие гудки.

По означенному адресу я явился на целых сорок минут раньше положенного времени. Меня вежливо попросили подождать некоторое время в холле, однако «дикому мустангу среднеазиатских прерий» было невтерпёж, поскорее вкусить ночной жизни Вильнюса, а потому, увидев соседнюю дверь с надписью «ресторан», я рванул со всех копыт туда, в надежде с пользой переждать оставшиеся полчаса.

Почти все места оказались заняты и лишь за одним столиком сидел молодой человек, который на мой вопрос: «Свободно ли?», утвердительно кивнул головой. Я тут же заказал графинчик водки, литовские цепеллины и уже через десять минут мы были с моим новым знакомым «неразлучными кровными братьями». Я даже не заметил, как прошел час, а затем еще полчаса. Внезапно взгляд мой упал на карточку-билет, приобретенный мною накануне и я вдруг с ужасом вспомнил, что мне давно пора быть уже в баре.

В ответ на мою барабанную дробь, дверь открыла симпатичная девушка в униформе, с красным фонариком в руках и сокрушенно качая головой, взволнованно произнесла с характерным прибалтийским акцентом:

– Поже мой, куда Фы пропали? Фаша сосетка уже тавно нервничает, и я не могу теперь гарантировать – как она себя теперь поведет. Итёмте, я провожу Фас к столику.

Взяв меня за руку и подсвечивая перед собой красным лучиком, она протащила меня сквозь кромешную мглу, почти через весь зал, поднимаясь по ступенькам куда-то наверх. Наконец, когда мои глаза немного пообвыкли к интимному полумраку, я с трудом разглядел перегородку, отделяющую нас от остальной части посетителей. За столиком, обиженно надув губки, сидела достаточно взрослая, но не утратившая своих очаровательных и аппетитных форм, дама. Едва взглянув на мою пьяную рожу, она резко отвернулась, уставившись на сцену. Там уже почти два часа шло какое-то действие, что-то вроде стриптиза.

Вечер был безнадежно испорчен и я, чтобы хоть как-то сгладить свою вину и компенсировать моральный ущерб, нанесенный моей соседке по столику, заказал бутылку шампанского и, пригубив для приличия несколько капель этого непонятного для меня вина, через некоторое время, вновь покинул свою гостью, шепнув ей на прощание: «Ачу».

В ресторане, не найдя за нашим столиком своего «другана», я заказал с горя еще один графинчик водки и, нажравшись до неприличия, стал оплакивать свой неудавшийся вечер, тщетно пытаясь поймать вилкой скользкий и давным-давно остывший кусок цепеллина.

Дженькуе бардзо

Именно таким образом, польские туристы высказывали свою благодарность мне, – бармену восточного бара – утолив свою жажду холодным напитком в летний жаркий бухарский полдень, когда температура в тени доходила до +45 градусов по Цельсию. Я же, неизменно вежливо отвечал им: «прошэ, с пшиемнощчэ» («пожалуйста, с удовольствием») и, отыскав наметанным взглядом «Казановы» наиболее привлекательную «жертву», угощал ее еще одним стаканом вожделенного напитка, оставляя себе взамен очередную записку, пахнущую Лодзем, Краковом или Варшавой, и обещающую очередной незабываемый вечер.

Маршруты всех экскурсий, как правило, неизменно сходились в баре, в медресе Абдулазиз-хана – архитектурном памятнике XVII-го века, что расположен в центре старого города-заповедника, по соседству с торговыми куполами «Токи заргарон» («купола ювелиров») и напротив красивейшего медресе, построенного в 1418 году по распоряжению внука великого Тамерлана – Улугбека, названного в его же честь.

Да, мне крупно повезло в 1979 – 1983 годы, так как именно на этот период пришелся «золотой бум» советского туризма. Плюс ко всему, знаменитая московская Олимпиада.

За день через наш бар проходило не менее 20 – 25 иностранных и советских групп, в каждой из которых, в свою очередь, насчитывалось не менее 25 – 30 человек. Измотав по невыносимой жаре измученную жаждой группу, бедные гиды, приводили ее в бар, словно диких зверей на «водопой», где и сами получали от меня в «награду» спасительный холодный напиток и возможность немного отдохнуть под толстыми прохладными сводами старинного здания, украшенными искусным и затейливо расписанным восточным растительным орнаментом, отражающим индийские мотивы.

Правда, гиды, конечно же, догадывались, что слово «спасительный» можно было произнести лишь с большой долей иронии: каждый местный житель Бухары прекрасно осведомлен, что от жары человека может спасти только горячий зеленый чай, но ни в коем случае – холодные напитки. Они лишь только в первое мгновение создают иллюзию удовлетворения, возбуждая через короткое время неистребимое желание, вновь испытать чего-либо холодного. Понятное дело, я никоим образом не был заинтересован в подробном просвещении туристов, посещающих мой бар. Поскольку, это означало бы «рубить сук, на котором сидишь».

В мои «шкурные интересы» входило только одно: чтобы ни один член группы не остался бы без напитка и ... ждать, когда они сами прибегут за очередным стаканом «живительной влаги».

Параллельно со своими прямыми обязанностями бармена, я неизменно старался не забывать и об обязанностях мужчины, возложенных на мои хрупкие плечи жестокой Природой: почти в каждой группе туристов обязательно находилось хотя бы одно «создание неземного происхождения», которое заставляло сильно стучать мое сердце и приводило меня в состояние «временного склеротического коллапса», потому что именно в таком необыкновенном эйфорическом состоянии, я чаще всего умудрялся забывать давать сдачу. Но стоило лишь, мне добиться расположения к себе объекта своих желаний, как по истечение суток мой прежний разум вновь возвращался ко мне и я с удивлением убеждался, что передо мной, оказывается, стоит вполне обычная нормальная женщина, не лишенная, правда, при этом, своих очаровательных женских прелестей, что заставляло меня просто, по-человечески восхищаться не только совершенными формами, но и нередко столь же совершенной душой.

По вечерам же, во внутреннем дворе медресе, для многочисленных иностранных и советских туристов местная филармония давала национальный фольклорный концерт,

коронным номером которого обязательно являлся арабский танец живота. По всему периметру двора были расставлены тапчаны (деревянные национальные плоские возвышения), устланные по бокам атласными курпачами (стеганные одеяла), на которых с завидным комфортом восседали (или возлежали) зрители-туристы, подперев под себя национальные круглые подушки («лѣбля»), а посередине тапчана устанавливалась «хон-тахта» (низенький, на коротких ножках, стол), с заставленными коктейлями или бутылками сухого вина, приобретенными накануне представления в «моём» баре.

С заходом солнца на импровизированной сцене включались мощные софиты и... начиналась «сказка из 1001-й ночи», длиною в два с лишним часа. Впереди, на сцене, артисты филармонии, в национальных красочных костюмах, исполняли народные танцы, а если поднять глаза кверху – взору представало глубокое темное южное небо, переливающееся многочисленными звездами разной величины, усеявшими собою весь небосклон. Что и говорить, – зрелище завораживающее и стоящее того, чтобы хоть раз в жизни увидеть эту красоту своими глазами. Одним словом, Париж там даже рядом не валялся.

В глубине одного из порталов медресе, расположенного за зрителями, на небольшом возвышении были расположены еще три тапчана, для начальства и особо важных гостей. Тогда еще не было таких понятий, как VIP-персона и т. д. Чаще всего эти места оставались пустыми, и, следовательно, как вы, вероятно, правильно уже догадались, зарезервированными для меня и моих гостей.

Таким образом, не один вечер был проведен в обществе друзей и прекрасного пола, и далеко не исключительно – только иностранцев. Хотя, честно говоря, с ними мне было наиболее предпочтительней общаться ввиду их совершенной открытости и раскрепощенности, столь не свойственному подавляющему большинству нашего контингента, в общении с которыми часто чувствовалась некая закомплексованность и настороженность. Впрочем, и во мне самом не до конца были изжиты эти качества, поскольку сам я являлся «продуктом своего времени»

Возвращаясь к началу нашего разговора, следует отметить, что вечер, проведенный с моей гостьей из Польши, выдался на редкость продуктивным: мы не только хорошо провели время, скрепив своими объятиями советско-польскую дружбу на веки вечные, но я еще вдобавок восполнил пробел в области лингвистического образования, выказав при этом незаурядные способности в освоении польского языка. Так, например, я узнал, что ее любимым блюдом является бигос, рецепт которого переписал для себя, а также пополнил свой словарный запас некоторыми немаловажными польскими словами, аналогом которого в русском языке являются такие слова, как «мир», «дружба» и «любовь».

И уже совсем прощаясь, в знак признательности и восхищения моей собеседницей, я с искренней теплотой и уважением произнес: «Дженькуе бардзо», что в переводе на русский означает – «Спасибо большое».

Как был развенчан миф о вожде

«Я не разделяю ваших убеждений, но готов отдать жизнь за ваше право их свободно высказывать!» – это изречение, приписываемое знаменитому французскому просветителю Франсуа Аруэ де Вольтеру, наиболее глубоко запало мне в душу с тех самых пор, когда я впервые серьезно задумался – «Что же из себя представляет настоящая демократия и с чем её едят?».

Например, в советскую эпоху, в которой я вырос, тоже была своя «демократия». Называлась она социалистической. И, как это ни странно, у этой «демократии» были свои вожди, которых народ обязан был боготворить. А над всеми этими вождями стоял самый главный вождь – Ленин – имя, которое произносилось с трепетом и благоговением.

Тех, что правили страной после него, народ мог даже критиковать (естественно, после смерти вождя) и даже смещать с поста (понятное дело, когда тот находился в отъезде), но «Главного» трогать не смели. Его даже мумифицировали, дабы продемонстрировать бессмертность гения перед вечностью. Это была «священная корова», «святыня», «икона», «непогрешимая истина в последней инстанции». Никому и в голову не приходило усомниться в гениальности и величайшей прозорливости этого «гения всех времен и народов». Одним словом, советская система сумела создать и внедрить в сознание масс такой величайший миф о вожде, что все остальные известные нам мифы просто меркнут.

Без Ленина невозможно было представить жизнь простого советского человека, который начиная со школьной скамьи, проходил несколько стадий «посвящения». В первом классе мы с нетерпением ждали – когда нам нацепят на грудь пятиконечную звездочку октябрёнка. В четвертом – плакали, если наши фамилии не значились в списках тех, кто имеет право носить треугольный красный галстук и гордое звание «пионер». Наконец, в восьмом – тихо ненавидели всех «комсомольских активистов» и ... гордились, что не стали ими.

Являясь продуктом своего времени, я также очень долгое время находился в состоянии гипноза, из которого – как это ни странно – вывел меня... обыкновенный советский унитаз.

Излишне, наверное, говорить о том, насколько серьезное значение придавалось идеологии в советский период. Ленинскими лозунгами не были обвешаны разве что только детские учреждения. «Марксизм-ленинизм» преследовал тебя на каждом шагу. То, что «наше дело правое – мы победим», ни у кого не вызывало сомнения. И то, что «Ленин и теперь живее всех живых», не позволяло расслабиться, а заставляло быть всегда и везде начеку. Усомниться в его величии было верхом не то, что – несознательности, но даже – преступности.

Где-то, краем уха доходило, что во времена И. Сталина были репрессии и процветал культ личности; что Н. Хрущев слишком поторопился с прогнозами в отношении конкретных сроков прихода коммунизма; что «нынешние» руководители намного уступают «первым пророкам революции» и так далее. Но усомниться в самом вожде – было величайшей глупостью. Сейчас, наверное, выглядит смешно, но вынужден сознаться: я даже временами искренне сожалел о том, что Ленин не дожил до наших дней.

«Эх, надо же, какая досада – не дожил Ильич каких-то ещё двадцать – тридцать лет. А ежели б, до сегодняшнего дня? Вот бы он сейчас дал разгон существующему руководству, – думалось мне. – Вот бы сейчас мы зажили! И главное – народ его, конечно же, поддержал бы. Ещё бы – такой умище!»

Примерно с подобными мыслями, не дававшими мне покоя, я однажды зашел в туалет. И, усевшись поудобнее на «горшок», стал далее развивать тему и предаваться тому – как было бы здорово, если б Ленин вдруг воскрес.

Внезапно, я почувствовал острую боль в желудке. Да простят меня дамы (не за столом будет сказано), но я весь напрягся, прилагая все усилия к тому, чтобы освободиться от этой боли. И вдруг...

Ты мне не поверишь, дорогой читатель, но я вдруг отчетливо представил на своем месте... Ленина. Да, да – нашего любимого и всеми обожаемого вождя. И тут же устыдился такого кощунственного сравнения.

«Боже мой, что я говорю! – подумалось мне. – Какой вздор: Ленин и... обыкновенный унитаз. Какая чушь! Да за такие мысли меня давно поставили бы в 17-ом к стенке!»

Однако, раз посетив, эта мысль уже крепко засела во мне, настойчиво сверля мой бедный мозг. И я уже ничего не мог с этим поделать. Эта мысль настолько захватила и увлекла, что последующие картины, что выдало мое воображение, последовали как-то легко, естественно и, можно сказать, непринужденно.

«Постой-постой – говорил я сам себе, – он ведь, был такой же человек, как и я. Конечно же, я вполне допускаю, что у него, несомненно, был более внушительный мозг, но все остальное – руки, ноги, уши, глаза, живот и ... (О, Господи! Неужели?!) даже жопа, почти нисколько не отличались от моих. Ну, может быть чуток по-нежнее и по-белее, но все же! Более того, он наверняка также как и я ходил в туалет (ведь должен же он был, хоть как-то, избавляться от пищи!). И наверняка, он также сидел и тужился, когда у него случались запоры, или – наоборот – скрючивался от колик и диареи».

На мгновение я застыл от ужаса представленного. Но то было всего лишь мгновение, которое как вспышка света озарила меня, осветив заодно и то место, где за минуту до этого стоял вечно живой и непоколебимый вождь мирового пролетариата. И в это самое мгновение, «пьедестал» в моем сознании рухнул, и я увидел, что на этом месте ничего нет – оно было пустым.

В ту же секунду я почувствовал, как боль отпустила меня. Я улыбнулся: мне стало одновременно смешно и немного грустно.

«Так, наверное, бывает всегда, когда кончается сказка...» – подумалось мне.

Поединок

Каждый из нас прекрасно помнит из своего детства, что ребята двора, как правило, всегда делились на определенные возрастные категории, которые практически никогда не смешивались между собой. Естественно, к старшим товарищам младшие автоматически относились с должным пиететом. Хотя, если хорошенько подумать, исключения, всё же, имелись...

Так, уж вышло, что однажды, в разгар перепалки, молодой Саша не удержался и... послал старшего Шаву. Да ещё как послал:

– Да пошёл ты на х#й, п#дарас!

Во – как!

Наступила мертвая тишина. За «базар» необходимо отвечать. Саша, понял, что ляпнул лишнее, но отступить, а тем более, извиниться значило бы ставить себя в позорное и унижительное положение, а потому он мужественно старался сохранить внешнее хладнокровие.

– Что!? – опешив от такой борзости, подскочил к наглецу Шава. Его глазки превратились в две узкие щелки, зубы заскрежетали, а сам он весь напрягся и сжался как пружина, готовая вот-вот расправиться от переполнявшей его злости. – Кто «п#дарас»?!

И, не дождавшись ответа, стремительно рванулся в сторону дома.

Всем стало жутко интересно, чем же закончится этот поединок. Как известно, Шавкат рос в тепличных условиях и ни разу не был замечен в каких-либо драках или переделках. Но тут, такой, можно сказать, особый случай... престиж, как-никак...

«Ну, всё – труба!» – решили мы – случайные свидетели происшедшего. Сейчас он снимет со стены кинжал или кривой ятаган и порубит на куски несчастного пацана. Сам победивший Саша стоял ни жив, ни мёртв, приготовившись к самому худшему.

Не добегая до подъезда, «грозный мститель», почему-то, вдруг резко развернулся и побежал назад.

«Видимо, решил голыми руками разорвать!» – ребята застыли, с раскрытыми ртами.

Подбежав к своему обидчику, «мститель» наклонился к своей жертве и грозно осведомился:

– Кто тебе это сказал?!

Мусульманские колядки

Рамазан – один из самых священных месяцев мусульманского календаря. Именно в этот месяц по преданию был ниспослан Коран – самая почитаемая книга мусульман. И именно в этот месяц всем благочестивым правоверным предписано поститься.

Почти каждую пятницу, по установившейся традиции, мои родители старались «на выходные» навещать своих, а это означало, что я опять буду носиться как ошалелый босиком по горячему и плавящему от знойной жары асфальту с ватагой своих сверстников по узким бухарским улочкам, участвуя во всевозможных детских играх и предаваясь соблазну – залезть с риском для жизни в чужой сад, чтобы сорвать незрелый урюк (давчу) или виноград. Ну, кто же из нас ни разу не испытал в детстве подобное? Мы были детьми улицы, а потому загнать нас домой, было, делом нелегким.

Когда же наступал месяц Рамазан, мы льстиво пробирались к своим ласковым бабушкам с тем, чтобы выведать у них секрет формулы «открытия» и «закрытия» поста: нам тоже ужасно хотелось поучаствовать в таком великом и богоугодном деле, каким являлся пост. Проверить себя на выдержку и похвастаться своими результатами перед сверстниками и старшими.

Взрослые смотрели на наш энтузиазм снисходительно, тем не менее, поощряя и поправляя нас. Все разговоры о том, что постящиеся только и ждут ночи для того, чтобы заняться чревоугодничеством и развратом, я даже не стану комментировать, поскольку подобные утверждения очень далеки от правдоподобия и не имеют под собой серьезной почвы.

А вот история, которую я вам изложу ниже, действительно имела место быть, когда я был глупым ребенком. Мне до сих пор об этом стыдно вспоминать, но, как говорится, «из песни слов не выкинешь»...

Главным образом, Рамазан нам нравился из-за своих «колядок». Да, да – не удивляйтесь: эти «песни-колядки» пелись всей детворой, подходя то к одному, то к другому дому. Пелись они как на таджикском языке, так и на узбекском. Удивительно, но почему-то, запомнился только узбекский вариант:

*«Ассалому -ляйкум! Бизлар келдик,
Пайгамбар йилини излаб келдик.
Хар йилда келади бир марта рўза,
Савоби – жавоби сиздан бизга.
Зумрале-зумрале, бир сўм берале,
Ок танга, кўк танга,
Чикора беринг жон янга!»*

*(Мир вашему дому, мы к вам пришли,
Известить о священном месяце Посланника.
Раз в году приходит месяц Рамазан,
Богоугодного ответа ждем от вас.
Зумрале-зумрале, дайте один рубль,
Белую таньга, или желтую таньга,
Вынеси и подай нам, дорогая тетя!)*

Следует отметить, что бухарский дом строится по особому плану. Приоткрыв дверь (которая, как правило, никогда не запирается, кроме, как на ночь), вы попадаете в «раь-

рав» (от тадж. «раъ», «рох» – «дорога», т. е. «рядом с дорогой») – небольшое помещение непосредственно перед домом. Справа или слева от него, обычно, располагаются сортир или какая-нибудь кладовка. Раньше, в раъраве размещались ясли для скота, поскольку в любом доме была хоть какая-либо живность. На худой конец, обыкновенный ишак, который начал пронзительно орать, едва на его территорию покушался чужак. В описываемый период ослов уже становилось все меньше: на смену приходила техника в виде обычного двухколесного велосипеда – предмета «охоты» и особой зависти у местной ребятни. Владельцев личных автомобилей в описываемый период легко можно было сосчитать на пальцах одной руки.

Постояв ещё с минуту, детвора выкрикивала во двор:

«Ё савоб, ё жавоб!»

(Или проявите благодеяние, или дайте ответ!)

Как правило, хозяева не заставляли себя долго ждать и выносили нам что-либо из еды (в чем мало мы нуждались), либо бросали за порог дома горсть мелких монет, достоинством от 5 до 20 копеек. За монету, в 50 копеек или (что было ещё реже) 1 рубль, могла развернуться настоящая баталия, которая, бывало, заканчивалась рукопашной. Колядки эти были делом весьма обыденным и привычным: взрослые, глядя на нас, вспоминали свои юные годы, и ностальгические воспоминания былого безвозвратного детства растапливали их сердца, понуждая их к милосердному акту в такой священный месяц.

Так и продолжалась бы, наверное, эта идиллия до сегодняшнего дня, если бы мы своим поведением не дискредитировали сам институт коляды, заставив взрослых пересмотреть свое отношение к нему, с учетом вновь сложившихся реалий на постсоветском пространстве.

А все дело было в том, что новому подрастающему поколению космонавтов и летчиков, впитавших в себя атеистическую советскую пропаганду и идеологию, были чужды такие понятия, как страх перед божьей карой, перед чистилищем, перед ответственностью за свои поступки. Словом, чужды были все те моральные и нравственные устои, на чем зиждилось воспитание наших дедов и прадедов. А потому мы, поразмыслив немного, вдруг сообразили, что под предлогом колядок очень удобно «тырить» чужие велосипеды. Благо, их было, чуть ли не в любом доме и без всякой привязи.

Осторожно войдя во двор какого-нибудь дома, мы с опаской озирались по сторонам в поисках вожаемого предмета и, увидев нашу двухколесную жертву, спешно и незаметно старались вытащить её на улицу. Все было продумано до мелочей: едва кто-либо из домашних выходил во двор, как мы тут же, временно оставляли свою добычу в покое и пронзительным голосом завывали:

«Ассалому-лайкум, бизлар келдик...»

Внешне все выглядело невинно, и нам даже на первых порах все сходило с рук, пока... Пока инциденты с кражами велосипедов не приобрели характер массовой эпидемии.

Верна пословица: «Что посеешь, то и пожнешь». С каждым разом задача наша усложнялась, ибо бдительные хозяева были уже в известной степени проинформированы о последствиях подобных колядок, а потому вместо сладких леденцов и желанных монет на наши головы стали обрушиваться бранная ругань, а иногда и горсти камней.

Апофеозом наших походов явился случай, после которого мы раз и навсегда забыли о традиционных песнопениях.

Войдя в очередной двор, часть из нас хором затянула известный мотив, другая же – ринулась расправляться с «железным двухколесным конем», марки пензенского велосипедного завода. К нашему великому изумлению велосипед оказался намертво привязан к столбу массивной цепью, на концах которой висел огромный амбарный замок. В замешательстве

мы притихли. Наконец, в глубине дома открылась дверь, и нашему взору предстал темный силуэт мужчины.

– Ё савоб, ё жавоб! – со слабой надеждой, выдавили мы из себя.

– К#ток!!! (Х#й /вам/!!!) – оглушил нас отнюдь не богоугодным ответом грубый мужской голос, заставив нас как по мановению волшебной палочки, раствориться во тьме наступивших сумерек.

Жаль, конечно же, но на этом интерес к колядкам у нас пропал окончательно и бесповоротно.

Заботливое чадо

Один из моих родственников, всю свою жизнь проработавший на высоких и ответственных постах, всегда отличался сдержанностью, серьезным характером и некоторой замкнутостью. Видимо, работа в какой-то мере накладывает свой отпечаток на человека. Не то, чтобы он избегал знакомых и родственников. Нет. Это практически невозможно, живя на Востоке. Просто, он всегда держался ровно и степенно. В редкие минуты совместного общения, мы старались быть немногословны: сдержано и учтиво перекинувшись традиционным приветствием, которое включает в себя ряд обязательных вопросов-ответов («как здоровье, как дела, как дети?» и т. д.), мы оставляли его в покое, тактично переводя тему разговора в иное русло и переключаясь на кого-либо другого. Поскольку понимали, что мысли его постоянно заняты работой, а потому мы с должным почтением и уважением относились как к нему самому, так и к его статусу.

Являясь многодетным отцом семейства, над ним ещё, помимо всего прочего, постоянно довлела забота о семье и детях. А детей было аж целых семеро, самому маленькому из которых на тот момент едва перевалило за три годика. И надо отметить, что этот последний, не в пример отцу был очень шустрым и озорным мальчишкой.

Вообще, следует отметить, что уникальный дар был в той или иной степени присущ каждому из детей этой семьи. Достаточно вспомнить эпизод, произошедший с одной из сестер упомянутого малыша.

Воспитывалась она под присмотром няньки – старой одноглазой бабушки, – которая всячески старалась привить ребенку добродетели, проповедуемые в исламе. Как-то раз, будучи в четырехлетнем возрасте, девочка оступилась, нечаянно, при этом, наступив на кусочек черствой лепешки, за что тут же получила нагоняй:

– Нона пашкардан ўбол – кўр меши! («Наступать на хлеб – величайший грех: можешь ослепнуть!») – назидательно начала, было, отчитывать строгая няня, на что сообразительный ребенок вдруг «догадался» уточнить:

– Бибижон, шумо вахташба нона пашкаред ми? («Бабуль, так ты что – в детстве на хлеб наступила?»)

Остолбев, бабуля ещё долгое время, не могла прийти в себя, не зная – беспомощно моргая единственным глазом, и не зная – что ответить ребенку.

Возвратимся к её братику.

В это ранее утро он, накормленный и довольный сидя в углу комнаты, с любопытством разглядывал домашних, спешивших кто куда: одни в школу, другие на работу. По привычке, обе его руки находились в трусиках, проверяя на всякий случай – в порядке ли там «мужское хозяйство».

Отец также собирался на работу, а потому сев за дастархан, собрался позавтракать на скорую руку яйцами всмятку. Благо, они держали во дворе собственный курятник и чего-чего, но яйца никогда в этом доме не переводились. Однако, на сей раз, быстро пробежавшись по скатерти глазами и не найдя искомого продукта, глава семейства поднял густые мохнатые брови и вопросительно уставился на свою половинку.

– Мебахшед, дадажон! Тухум имрўз тамом шуд. («Простите, папочка! Но яйца сегодня закончились») – виновато произнесла моя тётя.

Дядя тяжело вздохнул и стал медленно соображать – чем бы перекусить. Было видно, что он очень расстроен.

Вдруг, молчащий до сего момента в своем углу отпрыск, воскликнул:

– Дадажон, тухум мехурет ми? («Папочка, не хотите ли яиц?»)

– Ха, кани?! («Да, где?!») – встрепенулся отец, с надеждой уставившись на сына. Против обыкновения, лицо его засияло от радости, а уголки опущенных губ, медленно поползли вверх.

– Ана! («Вот!») – показал малыш, стянув с себя трусы и ловко перебирая маленькими ручонками между ног. – Ана, дутта тухумча! («Вот, целых два яичка!»).

Немая сцена длилась всего пару секунд, после чего всё семейство раскинулось по полу, схватившись за свои животы. Все, кроме главного родителя, которому по статусу неприлично было валяться вместе со всеми...

Плоды самосознания

На волне горбачевской «перестройки» и «гласности» Союз, словно карточный домик, вскоре стал быстро разваливаться. Известным итогом явилось повальное провозглашение «независимости» бывших республик.

«Мустакиллик» («Независимость») – это малоизвестное советскому узбеку слово, стало в одночасье родным и близким, обретя вполне осознанный смысл и образ. И, если у незначительной части оставшейся интеллигенции, искренне желающей своей стране процветания и прогресса, добродушная улыбка застыла в саркастической гримасе, то о народе в целом этого не скажешь. Здесь, так же, как и в России, и в других республиках, «долгожданный воздух свободы и демократии» окончательно вскружил головы простым людям, напрочь лишив их остатков благоразумия. Каждый, вдруг почувствовал себя, если не баем, то уж, по крайней мере, значимой единицей, от которого, теперь, многое зависит в родной отчизне.

1992 год. Автобусная остановка. Как всегда, набитый до отказа автобус, не решается сдвинуться с места, пока створки дверей не сомкнутся. На нижней ступеньке «висит» русская женщина внушительных габаритов. Сзади, плотно прижавшись к ней, пытается втиснуться местный колхозник с мешком. Двери никак не хотят закрываться, толпа терпеливо ждет, обливаясь потом, а бедная дама покорно сносит все попытки штурма. Грубый холщевый мешок безжалостно терзает её новые колготки. Наконец, она не выдерживает и, с трудом повернув шею, раздраженно бросает своему «насильнику»:

– Ну, куда ты прёшь?! Куда лезешь?!!

На что тот, не обращая внимания на её протесты, упорно продолжает пыхтеть, бормоча себе под нос:

– Мелезум: ватани худум, мелезум! («Влезу: своя родина, войду»!)³

³ Довольно странный, на первый взгляд, симбиоз русского и таджикского языков. «Даромадан» (тадж.) – «войти» – неопределенная форма глагола. «Медаром» означает – «войду», «влезу». В данном случае, пролетарское сознание продемонстрировало уникальный подход к грамматике: первый слог и окончание изъято из родного языка, а середина заимствована из русской речи. Но самое удивительное и парадоксальное заключается в общем контексте высказывания: мол, теперь я, всё равно, по-всякому влезу, и буду прав, поскольку это моя страна и я тут являюсь хозяином...

Первая ласточка

Прожив более 60-ти лет в Союзе, Мария Семеновна ждала этого часа и наконец-таки, вырвалась из ужасного советского ада. Поселившись в Калифорнии, в силиконовой долине, она наслаждалась райским климатом и настоящей свободой. Только очутившись здесь, она впервые почувствовала себя человеком и по-настоящему ощутила на себе заботу государства. Того самого, которым её вечно пугали, которому она не отдала ни одного своего трудового дня. Все её прошлое, словно кошмарный сон или наваждение, осталось где-то далеко позади и вспоминать о нем больше не хотелось.

Единственной ниточкой, связывающей её с бывшей родиной, была её семья: сын Иосиф, его жена – простая и кроткая русская женщина – Людмила и двое любимых внука – Рафик и Миша.

Старшая внучка – Татьяна, выйдя замуж и переехав на Украину, раньше остальных сумела вовремя сориентироваться и переправиться за океан. Обосновавшись с семьей в Сан-Франциско, они с мужем постепенно открыли свое зубоврачебное дело.

Остальные члены семьи с волнением следили за Таниной судьбой, пока последняя прочно не встала на ноги. Вскоре от неё пришел вызов.

Баба-Маня оказалась «первой ласточкой», рискнувшей вылететь из насиженного гнезда и теперь ничуть об этом не жалела. Жалость просыпалась только к тем, кто остался там, непонятно чего выжидая и вечно трясясь от страха перед родным государством. Как и всякая еврейская бабушка, она всем сердцем была накрепко привязана к своим внукам, которых она вырастила буквально с пеленок.

Периодически они созванивались по телефону.

Один из последних состоялся незадолго до того, как семья, наконец, приняла решение – ехать.

– Ба-аб, – страшно волнуясь и переживая, произнес в трубку Рафик, – как ты там? Тебе не плохо?

На что последовал мгновенный ответ, вполне в духе бабы-Мани:

– Что-о?! «Мне – плохо?» Это вам, там плохо, а мне тут очень даже хорошо!

Железная логика

«...Не одобряется, если кто-либо из присутствующих выбирает исключительно кусочки мяса, оставляя своим „соседям“ рис. В этом случае, можно вполне заслуженно получить затреусину от отца (если за столом все свои) или тебе тактично сделают замечание (если в доме находится гость). Ну, а „личико почистят“ уже потом, когда останетесь одни».

(отрывок из книги «Пловы»)

Жизнь человека, родившегося на Востоке, с рождения и до самой смерти обставлена огромным количеством обрядов, церемоний и различного рода мероприятий, которые невозможно пропустить или игнорировать. Рождение первенца, обряд обрезания, свадьба, религиозные праздники – ничто не обходится без пиршеств и собраний, на которые в обязательном порядке приглашаются родственники, соседи, друзья, сослуживцы и прочий люд, с сопутствующим каждому конкретному случаю угощением, а иногда и подарками. Несомненно, всё это накладывает особый отпечаток на сознание местных жителей, которые настолько свыкаются с подобными вещами, что воспринимают сложившийся уклад, как нечто будничное и неизменно существующее от века.

Как правило, в основном, мероприятия разделяются на женские праздники и мужские. К последним, в частности, достаточно часто, относится и такое, как приглашение на плов. На подобных торжествах, где – как известно – собирается немалое количество незнакомых вам людей, не принято группироваться с друзьями или знакомыми: вы, просто, занимаете свободное место, и это совершенно естественно и нормально.

При раздаче горячего, принято ставить одну тарелку плова на двоих. Эта традиция, уходящая своими корнями в глубокую древность, находит свое объяснение в религиозно-мифологическом контексте мусульманской эсхатологии, одно из положений которой можно сформулировать приблизительно следующим образом: «человеку, вкушающему пищу в одиночестве, сотрапезником, непременно, становится сам сатана (шайтан)».

Хорошо, если соседом по трапезе окажется ваш знакомый: в этом случае, можно мило побеседовать, да и естся легко и без всяких стеснений. И, совсем другое дело, если вам выпало – разделить обед с незнакомым человеком. Тут, поглощение еды превращается в настоящее испытание вашей воспитанности, сопровождаемое взаимной демонстрацией вежливости, подталкиванием друг к другу кусочков мяса, искусственным сдерживанием зверского аппетита и прочими излишествами восточного этикета, поскольку никому не хочется прослыть в глазах оппонента невеждой и невоспитанным ослом, напрочь лишенным понятий об элементарных правилах поведения за столом.

В тот день, моему родителю не повезло вдвойне: мало того, что он был ужасно голоден, так, к тому же, как вскоре выяснится, выпавший ему по воле жребия партнёр, оказался со своеобразными представлениями о приличиях и этикете, предписываемых благочестивому мусульманину.

Поначалу, как это и положено, мой родитель сдержанно довольствовался легким салатом из овощей и несколькими рисинками плова. Однако, вскоре, обратив внимание на то, как его сосед беззастенчиво и ловко, один за другим, уминает за обе щеки мясо, он заволновался, нервничая и ёрзая, как на иголках, терпеливо выжидая – когда же, наконец, бессовестный обжора образумится и проявит акт великодушия в отношении своего сотрапезника. Партнер же, был глух и нем, руководствуясь, похоже, моралью из известной басни Крылова «Кот и повар»: «А Васька слушает да ест».

Наконец, терпение отца лопнуло, и он отважился тактично намекнуть:

– Берите, берите... угощайтесь, не стесняйтесь... рис с морковью тоже полезны для здоровья...

– Нет, спасибо: мне мясо больше нравится – простодушно сознался сосед.

От неожиданности, папа чуть не подскочил на месте: за всю свою сознательную жизнь, ему ещё ни разу не приходилось сталкиваться с подобным уникальным экземпляром.

– Что Вы говорите? Неужели?! – изумился отец, вскинув высоко кверху свои густые мохнатые брови, и, выждав паузу, саркастически добавил: – Знаете, как это ни странно, но в любви к мясу Вы не одиноки: я тоже, к примеру, очень даже равнодушен к нему!

– Так, в чем же дело?! – настала очередь удивляться собеседнику. – Берите и ешьте! Кто ж, Вам, не дает?

Логика оппонента оказалась настолько железной и «правильной», что мой бедный родитель застыл на некоторое время с раскрытым ртом, беззвучно шевеля губами, словно рыба, выброшенная на берег.

А затем, придя в себя, тихо произнес:

– Спасибо: пожалуй, я уже наелся: надо переварить полученную пищу.

Культурная столица

Больше всего на свете, папа любил свою работу, хороший юмор и путешествия. Иногда мне кажется, что последнее он любил более всего.

Одним из самых приятных путешествий, глубоко запавшим в душу отца, несомненно, является поездка в Ленинград, в начале 70-х годов прошлого века.

Тогда, в советскую эпоху, ещё можно было встретить людей старой, что называется, «питерской закваски», с которыми и связан сложившийся стереотип «колыбели революции», как культурной столицы России.

Казалось бы, совершенно банальнейшая история. Но на отца она произвела неизгладимое впечатление.

Стоя, как-то раз, на остановке, в ожидании городского транспорта, папа, докурив сигарету, бросил её не в урну, а рядом, на асфальт.

И тут, прямо над своей головой, он вдруг услышал:

– Молодой человек, Вы нечаянно уронили сигарету.

Задрав голову вверх, отец увидел, как из распахнутого окна на уровне второго этажа, ему мило улыбается пожилая женщина.

– Простите – пробормотал пристыженный родитель, и в ту же секунду быстро подняв с земли окурок, опустил его в урну.

Позже, не раз возвращаясь к этой истории, он неизменно будет восхищаться тактичностью этой женщины, с образом которой и будет на всю оставшуюся жизнь ассоциироваться город на Неве:

– Нет, ну надо же: как она красиво меня...

Советский пасьянс

Пасьянс предстоял с огромным количеством противоречивых данных, который в конце концов обязан был сложиться в стройную и красивую картину «настоящего советского народовластия». Отцу не удалось «спихнуть» это дело на второго зама, да это было даже не в его характере: он никогда не старался заранее выгадать для себя что-либо полегче, а потому довольно часто самое нудное и противное занятие приходилось делать самому. Вот и сейчас, наскоро и молча позавтракав, он пошел в гостиную и, подойдя к столу, брезгливо уставился на толстую серую папку скоросшивателя. Деваться, однако, было некуда...

– Та-ак... – наконец смирившись, произнес отец, раскрыв папку и вытянув из него первый лист. В нем мелким почерком в колонку пестрели нескончаемые имена и фамилии предполагаемых героев трудового фронта – депутатов очередного съезда партии. Папа отложил этот лист на край стола и вытащил из недр папки другой, с рекомендациями. Бегло пройдясь по нему, он также отложил его в сторону, но уже чуть повыше и вновь стал знакомиться с третьим документом.

Через полчаса рабочий стол напоминал собою карточную поляну заядлого картежника: не хватало лишь зеленого сукна. Родитель удовлетворенно крякнул и глубоко затянулся сигаретой. Теперь предстояло самое главное. Высочайшее искусство заключалось в том, чтобы составить такой список, в котором народные избранники одинаково и равно представляли все районы области, все слои нашего демократического общества и при этом предстояло учесть требования к предполагаемым кандидатам, имея в виду социальное положение, пол, партийность (или наоборот – беспартийный) и т. д. и т. п. Словом, задачка выходила не из легких.

Когда через два часа я, вдоволь наигравшись со сверстниками в футбол, возвратился домой и вошел в гостиную, на отца невозможно было смотреть без сострадания. Он буквально рвал и метал по столу многочисленные бумажки, матеря последними словами партию и правительство, вместе со всеми членами Политбюро. Завидев меня, он несколько остыл и, упав в кресло, обреченно выдавил:

– Ну, где я им найду непьющего слесаря, партийного, да ещё и с канимехского района! В этих степях окромя чабанов и баранов, никогда и ничего не водилось.

– Можно, ведь, этот пункт пока пропустить и посмотреть другие кандидатуры – попытался успокоить я отца.

– А-а... – безнадежно махнул он рукой, вставая с кресла и вновь садясь за стол. – Другие не лучше.

– Ну вот, например, здесь – папа ткнул пальцем в бумажку, лежащую слева внизу, – требуется: «каракульский район, механизатор, беспартийный, примерный семьянин, передовик, мужчина». И где мне его, по-твоему, им достать?

Я быстро прошелся глазами по списку кандидатур каракульского района и вдруг, найдя подходящий вариант, радостно показал отцу.

– Ага: умник выискался – досадливо поморщился отец, – ты глянь, что тут написано: «партийный», а мне нужен беспартийный.

– Так может его из партии исключить? – попытался неудачно я пошутить, но, взглянув на отца, тут же осекся.

– Слушай: иди и не мешай, – устало произнес он, – мне сейчас не до шуток.

Однако, оставить отца один на один с «загадками сфинкса» я не решился, а потому всего лишь немного отодвинулся от стола, продолжая изучать содержимое листов и пытаюсь хоть как-то помочь родителю. Наконец, постепенно вникнув в «правила игры», я молча стал проверять один из вариантов, который по всем параметрам сходил с требуемым в «задач-

нике». Убедившись, что все расчёты верны, я набрался смелости и осторожно обратил внимание отца на мою находку. Отец нехотя отвлекся и, бросив взгляд на предложенный мною вариант, некоторое время, молча, стал сверять его с многочисленными бумажками, разбросанными словно карты по всему периметру стола. Наконец, легкая улыбка обозначилась на его лице и он, подняв на меня изумленные глаза, многозначительно изрек:

– Да-а, похоже, из тебя может получиться неплохой аппаратчик.

Естественно, я счел это за неслыханный комплимент и, уверенно пододвинув стул, сел поближе. Возражений со стороны отца не последовало.

Уже ближе к вечеру, когда со стороны кухни начали доходить до гостиной сводящие с ума запахи жареной баранины с луком и со специями, наша совместная работа автоматически стала близиться к завершающей стадии: отец набело переписал список с таким трудом подобранных кандидатур. Было видно, что он явно удовлетворен проделанной работой. Только в двух местах никак все не сходилось: в одном месте – профессия, в другом – нужен был коммунист, но в наличии имелся только беспартийный

В холодильнике стыла водочка, а на стол мама раскладывала уже тарелки с закуской и салатом. Этого было вполне достаточно для того, чтобы отец не дрогнув рукой, одним росчерком пера «превратил» обыкновенную колхозницу в механизатора, а беспартийного «наградил» коммунистическим билетом.

– Ничего страшного, – пояснил он мне, – в первом случае, она обучится хотя бы машинному доению, а во втором – вынуждены будут сделать его членом. Иди, мой руки и марш за стол!

Цугцванг

Несмотря на то, что отец слыл хлебосольным хозяином и сам был не чужд веселому застолью с хорошей выпивкой и закуской, тем не менее, он во всем любил порядок и меру. Если его самого приглашали в гости, то он, посидев с удовольствием положенное время, всегда чувствовал – когда следует закругляться, дав тем самым возможность хозяевам отдохнуть немного от гостей. Я, например, не помню ни единого случая, чтобы отец остался ночевать у кого-либо в гостях. Сколько бы он не выпил (а выпить он любил), он неизменно стремился домой, ибо полный покой он находил только лишь, очутившись в своей родной кровати. Это у него было, что называется, в крови. Точно такого же отношения он желал видеть и от своих гостей. Хотя, порой, случались довольно забавные казусы.

Однажды гостем отца оказался какой-то местный литератор. Мне почему-то запомнилось его имя – Мелливой – очень редкое даже для местного населения. Как и все настоящие литераторы, он был равнодушен к спиртному и шахматам.

Застолью предшествовала неспешная беседа и игра. Сыграв пару-тройку партий с отцом и окончательно убедившись, что соперник ему «не по зубам», гость заметно потерял интерес к игре, периодически поглядывая в сторону кухни. Отцу тоже претила «игра в одни ворота»: азарт настоящего игрока просыпался в нем только тогда, когда напротив него сидел достойный и сильный противник.

Родитель тактично предложил сопернику ничью и убрав шахматы, незаметно подал знак матери, означавший, что можно накрывать на стол.

Гость заметно оживился, когда на столе появилась бутылка «Столичной»: чувствовалось, что после писательства, это была его вторая страсть. А потому, очень скоро он настолько захмелел, что прямо на глазах у отца откровенно уснул за столом, уронив голову чуть ли не в тарелку с салатом.

Естественно, такого поворота событий папа никак не мог предвидеть, а потому мгновенно протрезвев, он стал лихорадочно соображать – каким образом вернуть товарища к цивилизованному застолью. Делать это следовало очень деликатно, дабы не дать повода гостю – обвинить в неучтивом и неуважительном отношении со стороны хозяина дома. С другой стороны, подобной картины ранее никогда в жизни отцу не приходилось видеть, а потому он был явно сконфужен, обескуражен и до крайности расстроен. Что делать?!

– Мелливой – чуть громче обычного обратился папа к гостю, желая обратить к себе внимание последнего. Однако, тот явно не слышал призывов отца.

Заботливая мама и любопытные маленькие члены семьи просунули свои головы в гостиную. Папа вопросительно уставился на нас.

– Мелливой – произнесла мама, в надежде на то, что голос хозяйки дома заставит вздрогнуть и проснуться незадачливого поэта.

В ответ гостиная наполнилась звуками неимоверного храпа. Мама не выдержала и тихо засмеялась. Дети также, прыснув от смеха, шустро исчезли в детской комнате. Одному папе было не до смеха: он нервно закурил сигарету и стал совершать круги вокруг стола, соображая – что бы такое предпринять, дабы гость наконец-таки очнулся. И тут его «осенило». Обычно, по завершению застолья, хозяин дома традиционно произносит «омин» – жест, означающий, что теперь можно расходиться.

Отец сел напротив гостя и, поднеся раскрытые и сложенные вместе ладони к своему лицу, достаточно громко произнес:

– Омин!

Ни единый мускул не дрогнул на лице Мелливоя.

Через пять минут дети, корчась в конвульсиях от смеха, валялись в разных концах коридора. И только из гостиной, ещё долго и настойчиво, словно молитва-заклинание, доносились монотонные «мантры» отца:

– Омин, Мелливой! Мелливой, омин!!!

...К сожалению, я уже не помню всех деталей того дня. Видимо, все же, каким-то образом гостя сумели «вернуть к жизни» и проводить домой. Я бы не сказал, что этот случай как-то особо повлиял на отца. Но в одном – точно, потому что с тех пор родитель стал очень осторожным и разборчивым в выборе партнеров.

Велик и могуч

В середине 60-х годов прошлого века, бухарским облисполкомом управляла неординарная личность, которого звали Хамро-Махмуд.

Несмотря на несомненный организаторский талант и прочие качества советского руководителя, у него был один существенный недостаток – он плохо ладил с русским языком.

К примеру, будучи в Ленинграде, он здорово ошарашил кассиршу, обслуживающую депутатскую кассу, бросив ей:

– Мне два билета нужен, срочно. Дай!

Чуть позже прояснится, что речь шла о железнодорожных билетах...

В другой раз, наоборот, когда одна высокопоставленная особа из Москвы прилетела с какой-то проверкой в Бухару, сильно простуженный Хамро-Махмуд встретил её в своём кабинете, с ходу «уложив» гостью следующей репликой:

– Извините, раздевайтесь, ложитесь: я немножко – проститутка...

А в московской гостинице, после душа, он долго не мог найти собственный номер, стучась ко всем подряд и выясняя: – Простите, Хамро-Махмуд тут живёт?

Неприятный разговор

У моего брата есть очень забавный импульсивный товарищ, который не совсем хорошо ладит с современной техникой, а потому своеобразно воспринимает информацию, исходящую с мобильного телефона.

Иногда, данный факт дает брату повод – лишний раз по-прикалываться.

Он незаметно звонит рядом идущему другу и, когда тот от неожиданности впопыхах пытается достать свою трубку, моментально даёт «отбой». Так повторяется раз пять.

Издерганный и обезумевший приятель нервно копошится в многочисленных кнопках, пытаясь понять – в чём же, тут дело? Его растерянный и жалкий вид не может не вызвать улыбку.

Естественно на табло всякий раз высвечивается одна и та же информация – «неприятный разговор».

– Ха, жўражон: ки вай? («Что такое, дружок: кто это?») – с невозмутимым выражением на лице, заботливо справляется мой брат.

– Намедонам, Шўхратжон: ким-кадом «неприятный разговор», онеша об барад! («Не знаю, Шухратжон: какой-то „неприятный разговор“, мать её, раз эдак!») – выдавливая вконец измученный товарищ, ничего не соображая и тупо уставившись на трубку.

В этот момент мобильник вновь издает свою сумасшедшую трель. Приятель неожиданно вздрагивает и вскоре, узнав по голосу свою дочь, не давая высказаться последней, раздраженно перебивает, скороговоркой выплёскивая на ничего не подозревавшего ребенка весь накопившийся внутри пар:

– О Шойи, бачем: ин катар «тир-пир, тир-пир» телефон дачи мекуни?! («Шойи, доченька: ну к чему столько раз „тир-пир, тир-пир“ теревить меня?!»)

Хайри

Мои родственники, считают меня наивным простофилей, которого запросто можно обвести вокруг пальца.

– Ну как можно быть таким доверчивым? – стыдит меня мой брат, прознав об очередной истории, где я вновь оказался одной из главных одураченных фигур. – Ведь, ты же родился и вырос в регионе, где чуть ли не каждый второй является прирожденным психологом, а?

– Значит, я из числа «первых»... – горестно заключаю я.

В один из приездов, решил пройтись по центру города. Иду себе не спеша, глазею по сторонам и не перестаю удивляться: буквально всё настолько изменилось, что от прежней, милой моему сердцу Бухары, кажется, не осталось и следа.

Вдруг, прямо на меня, широко растопырив в стороны руки, медленно надвигается молодой человек. Широкая улыбка озаряет его лицо.

– И-и-и! Кия дида истодем?! («И-и-и! Кого я вижу?!»)

Мне ничего не остается, как улыбнуться ему в ответ: совсем не хочется прослыть окончательным мерзавцем, который напрочь забыл своих старых друзей. Я останавливаюсь и, сохраняя идиотскую улыбку, виновато вопрошаю:

– Мебахшед: Шумо ки? («Простите: кто Вы?»)

– Иби-и! (междометие, выражающее в данном случае высшую степень удивления, окрашенное оттенком упрёка) На шинохти ми, мана?! («Не узнал меня, что ли?!») – и, бросившись в объятия, начинает всячески тискать и лобызать, как не видевшего лет сто, своего близкого родственника.

– Не... («Нет...») – приходится смущённо сознаться, продолжая, впрочем, ещё по инерции похлопывать своего собеседника по плечу.

– О ман Хайри, ку!! («Да ведь, это я – Хайри!») – восклицает он, искренне изумляясь непростительной забывчивости.

– А-а... – соглашаюсь я неубедительно, ещё более напрягаясь и... не припоминая среди близких человека с подобным именем.

Меж тем, он уже вовсю терзает моё лицо своей грубой небритой щетиной.

– Чи тў? Нағз ми? Бачаҳо, хонабудаго? Тин# ми ҳаммеш? («Как ты? Хорошо? Дети, домашние? Всё нормально?») – сияет он, радостно разглядывая меня, словно пытается выяснить – насколько я изменился за это время.

– Ҳа, рахмат... тин#. («Да, спасибо... нормально») – смущенно отвечаю на принятые по обычаю расспросы, ругая самыми последними словами свою никудышную память. Тем не менее, где-то глубоко внутри затаилось и не проходит легкое подозрение: прослыть наивным дурачком тоже малоприятно...

Внезапно, товарищ сам окончательно рассеивает все сомнения, слезливо выдав мне:

– Э-э, да#онакам... Як сум те! («Э-э, дорогой... Дай рубль!»)

Сложный выбор

С возрастом – как известно – выбор невесты усложняется тем, что возрастают претензии к потенциальным претенденткам. Бухарские семьи, в этом отношении, не исключение. Вот типичная история.

Бабушка упрекает внука-переростка, которому скоро стукнет тридцать:

– Майли: ина «лабаш варам», вая – «кунаш кач» будас... Хай, инаш туба дачи макул нест?! («Ну, хорошо, допустим: у этой „толстые губы“, у той – „жопа кривая“ оказалась... Но чем тебе эта не приглянулась?!»)

– Вай – «пёрри», бибижон... (Она – «порева», бабуль...)

Через некоторое время, пытаясь выяснить для себя загадочное для её слуха слово, она обращается к одному из многочисленных молодых племянников:

– Собиржон! «Пёрри» гуфтагеш чист? («Собиржан! Что означает слово „порева“?»)

Покрасневший внучек пытается подобрать приемлемое определение, способное как можно мягче донести его истинное значение.

– Аз камбагал, аз паст... («Из бедной семьи, из низов...») – отвечает он, явно смущаясь...

При очередной встрече, бабушка вновь пристаёт к своему взрослому внуку:

– Хай, инаша чи мегуйи? («Хорошо, что ты скажешь про эту?»)

– Э-э, бибижон... Ин намешёд, ин хам – «пёрри» («Э-э, бабуль... Эта не подойдёт, эта тоже – «порева»)

– Йе-е! Хез, йе-е! (неодобряемое междометие, приблизительным аналогом которого может служить: «Да пошёл ты...» /Г. С./) – не выдерживает более бабушка. – Манам «пёрри» будам – чи шуд? Онетам «пёрри» буд – чи аз вай? Барибир дадет гирифт ку! Хеч чизи ганда нест... («Я тоже, „поревай“ была – ну и что? Твоя мать из „порев“ вышла – что из того? Тем не менее, твой отец её взял! Ничего страшного в этом нет...»)

Дебри медицины

Иваново, 1976 год, студенческий стройотряд. Сидим в вагончике и обсуждаем за медицину.

За каждым отрядом прикреплен специальный доктор. Чаще всего, из числа своих, таких же молодых студентов.

«Наш», по приезду в Россию, почему-то, превратился в «Сашу». Типичный узбек, не очень хорошо изъясняющийся по-русски, но очень любящий порассуждать на отвлеченные философские темы. Наверное, скорее всего, какой-нибудь, Садриддин. К слову: Славик – кореец, Дамир – татарин и я – таджик. Советская дружба народов.

Спор начался из-за пустяка: что-то, вроде, о болезнях при неправильном питании.

Мы с Дамиром уже давно умолкли, а неугомонный Славик, предпочитающий во всём ясность и упрямый доктор продолжают словесный поединок.

– Если ты такой умный, скажи – что предписано давать больному при поносе? – хвастливо пытается блеснуть своими познаниями «Саша».

– Ну, предположим, не при поносе, а – диареи... – не без сарказма, язвительно поправляет врача Славик. – Кажется, так вас там учат говорить, в мединституте?

– Э-э, Славик, – устало машет рукой будущий медик, как бы подводя черту и показывая всем видом, что бесполезно спорить на эту тему с далекими от медицины людьми. – Да ты хоть, знаешь, дорогой мой, что медицина – это «темный лес»?

– Ну и не х#я, в таком случае, туда входить! – окончательно ставит точку наш сокурсник.

Корейский счёт

Желая польстить своему товарищу-однокурснику (корейцу по национальности), решил похвастаться, выучившись предварительно у одной знакомой корейскому счету:

– Славик, хочешь я тебе, без запинки сосчитаю от одного до десяти?

И, не давая ему опомниться, скороговоркой выпаливаю:

– Хана, тури, сой, ной, тас, ясы, ирку, яды, аху, ер. Ну, как?

– А#уел...

Сто метров

Иногда, случайные сценки из жизни, служат довольно убедительным и наглядным примером, подтверждающим неразрывную связь теории с практикой. Нам с Гришей, удалось в этом удостовериться воочию.

Лекции по возрастной физиологии и пластической анатомии проводились в старом здании истфака, расположенном недалеко от Арка – цитадели последних правителей бухарского ханства. Читал нам их профессор Линскис – чрезвычайно язвительный и колкий на язык старик. Впрочем, на «старика» он совсем не «тянул». Несмотря на почтительный возраст, выглядел он вполне импозантно: подтянутый, энергичный и очень мобильный, невзирая на предательски раздавшееся с годами солидное брюшко. Одевался всегда «с иголочки»: скромненько, но со вкусом. Словом, настоящий литовский аристократ.

Студенты уважали и побаивались его. И было за – что. Милый, общительный и добродушный с виду, он обладал воистину дьявольским оружием – острым и разящим наповал язычком. Не язык, а – настоящее жало! Ко всему прочему, он в совершенстве владел актерским мастерством, а потому, свою «жертву» он умервщлял не сразу (какой же, в этом интерес?), а исподволь, не торопясь, вначале «маринуя» до такого состояния, пока «приговоренный» сам не станет умолять о скорейшем приведении приговора в исполнение. Словом, «Шекспир отдыхает»...

Он на дух не выносил пьяных мужчин и... жующих жвачку женщин. Поймав за подобным занятием одну из наших сокурсниц, он стал со свойственным ему садистским наслаждением, развивать тему мимики, на примере конкретной студентки, проводя параллели с животным миром и наглядно демонстрируя – к чему это приводит:

– Вы когда-нибудь обращали внимание на жующих в поле коров? – обращался он к покрасневшей от стыда девушке. – И задавались ли вопросом: «Отчего у них отсутствует мимика»?

И тут же, гениальнейшим образом перевоплотившись в корову, изображал, как она жует: монотонно, с безразлично-отсутствующим взглядом. Действовало ошеломляюще.

Проблема пьянства, похоже, волновала рафинированного аристократа ничуть не меньше. И это было тем удивительнее, что встретить на Востоке пьяного человека, явление, скажем, не совсем обычное. Во всяком случае, в пору нашей молодости.

– В чем существенное отличие человека от животного? – обращался к аудитории профессор, и тут же, не дожидаясь ответа, пояснял. – В том, что человек наделен РА-ЗУ-МОМ! А что делает алкоголь с клеточками мозга? Правильно: разрушает их, приводя, в конечном счете, гомо-сапиенса к скотскому состоянию!

Мы с Гришей невольно съёжились и передёрнули плечами: как раз сегодня, после «пары», у нас была назначена встреча с друзьями, где мы намеревались оттянуться, что называется, «по полной».

– Красиво, а главное – доходчиво излагает, собака... – прошептал мне приятель, сосредоточенно и серьёзно глядя на профессора, в совершенстве изучив скверный и коварный нрав старикана.

В ответ, я ограничился коротким, но чувствительным пинком под столом, давая понять, что сейчас не до шуток: уж, больно мало приглядной выглядела перспектива, попасть под профессорский прицел, с вытекающими неприятными последствиями. К счастью, лекция вскоре подошла к концу и мы с приятелем одними из первых рванули из стен «альма-матер» на свежий воздух. Погода стояла отличная, настроение приподнятое, в предвкушении предстоящего застолья. Глянув на часы, мы поняли, что нужно спешить: ребята нас ждать не будут...

Не доходя метров пятьдесят до автобусной остановки, совершенно неожиданно натываемся на забавную редкую «картинку»: на обочине тротуара, в зарослях кустарника, безжизненно валяется пьяный «в стельку» мужичок. Над ним склонился его собутыльник и, раскачиваясь из стороны в сторону, напряженно соображает – как помочь своему приятелю.

– О, смотри: наглядный экспонат от Линскиса в действии! – толкаю я в бок товарища.

Гриша расплывается в улыбке, усмехаясь себе под усы. В это время, стоящий на ногах мужик, поднимает свою голову и, завидев нас, машет рукой, медленно выбираясь на тротуар.

– Брат, дорогой! – обращается он к Грише, прижав правую руку к груди. – Прости, пожалуйста... будь другом... помоги поставить на ноги товарища!

В другой ситуации, мой друг охотно бы послал его куда подальше. Однако, врожденная отзывчивость, чуткость и сострадание заставляют его замедлить шаги и остановиться. На Востоке не принято напиваться, а уж тем более – валяться «трупом». Подобное зрелище осуждается всеми и является непростительным позором! Вероятно, войдя в положение слёзно умоляющего мужика, который ни за что на свете не оставит своего товарища, Григорий проникается мужской солидарностью, смягчается и, подойдя к бесчувственному телу, пытается приподнять последнего. В ответ, тот чего-то мычит невнятное, плюется и недовольно размахивает руками. Его приятель, ловит одну руку и закидывает её себе за шею. После чего, пытается подняться вместе с другом.

Я тоже осторожно пристраиваюсь сзади, стараясь принять в этом благородном деле активное участие. Наконец, нам удается установить тело вертикально, мы отряхиваем свои руки, собираясь поскорей покинуть эту «сладкую парочку». Но, не тут-то было...

– Друг! Братан!! – вновь умоляюще обращается тот самый мужик и смотрит на Гришу, как на спасителя. – Не бросай! Я тебя прошу! Мне его не донести...

– Ты же просил меня только помочь, поднять его?! – удивляется Григорий. – И потом: мы очень торопимся...

– Друг!!! – отчаянно вкладывает в это короткое слово всю свою душу и сердце бедный алкаш, и, махнув рукой перед собой, показывает. – Братка! Вот... только пару шагов... совсем близко...

Короткая внутренняя борьба сменяется жалостью к несчастной паре. Глубоко вздохнув, Гриша покорно подставляет свою шею, брезгливо косясь на грязную «ношу», от которой исходит омерзительный смрад перегара и мочи. Мой товарищ вбирает в легкие как можно больше воздуха, задерживает своё дыхание, и «святая троица» начинает свое неторопливое шествие. Я плетусь сзади, изредка вскидывая вперед свои руки и делая вид, что помогаю. Периодически, Григорий, тяжело выдыхая и поправляя на переносице свои очки, тактично интересуется у «ведомого»:

– Ну, что – пришли?

На что, ушлый мужик, всякий раз, коротко заверяет:

– Всё... почти пришли! Вот... ещё немного... чуть-чуть...

Незаметно, мы оказываемся почти у самой остановки. Терпение моего товарища иссякает и он раздраженно осведомляется снова:

– Ну, теперь – всё?!

– Вот-вот... – продолжает гундосить себе под нос мужик, глядя перед собой и не обращая внимания на нас. – Сейчас уже придём...

– Так! – не выдерживает более такого издевательства мой приятель и окончательно останавливается. – Мы уже не десять метров, а пять раз по десять прошли! Ты можешь показать конкретно – до какого места?!!

Мужичок же, похоже, крепко уверовав, что удачно загипнотизировал моего друга, продолжает читать свои «мантры»:

– Вот... уже пришли... совсем чуть-чуть осталось... сто метров...

– Что-о?! – вскипает Гриша так, что запотевшие стекла очков чуть ли не трескаются. – Да пошли вы на х...!!!

Он с силой сбрасывает с себя тяжелую обузу и, не слушая дальнейших бормотаний несчастного, решительно направляется к остановке. С трудом сдерживая себя от невыносимых колик, я беззвучно трясусь от смеха, прячась за спину приятеля. Мы уже и в самом деле здорово опаздываем, так что приходится срочно ловить «тачку».

Всю дорогу Григорий не может скрыть своего возмущения наглостью какого-то «алкаша-оборванца». Неожиданно, наши взгляды пересекаются и мы, не удержавшись, заходимся в приступе дикого смеха. Однако, чувство обиды и накопившаяся злость, периодически вновь заслоняют всё остальное, и тогда Григорий яростно сжимает кулаки, стуча их друг о дружку. В такие минуты, я деликатно отворачиваюсь к окну, любясь проплывающим мимо пейзажем.

Вскоре, мы въезжаем на территорию студенческого городка и начинаем петлять между однотипными студенческими корпусами.

– Куда, теперь? – осведомляется таксист.

– Направо! – подсказывает Гриша. – А здесь – налево. Теперь прямо... А тут снова направо...

– Всё? – раздраженно уточняет водитель.

– Нет, ещё немного – встречаю я. – Чуть-чуть осталось... сто метров.

После чего, салон автомобиля вновь взрывается сумасшедшим хохотом.

Арам шум-шум

С этой новой игрой нас познакомила Таня, недавно возвратившаяся из «Артека».

Перекочивав с теплого и ласкового берега Крыма на знойную и жгучую почву Бухары, эта невинная артековская игра советских пионеров явно требовала доработок и усовершенствования. Что и было незамедлительно претворено в жизнь нашими сметливыми старшими товарищами.

Изначально её правила были достаточно банальны и скучны: водящему плотно завязывали глаза, ставили в центр хоровода и, под всеобщие бормотания («Арам-шум-шум, арам-шум-шум, арамийя бисила, бисила, бисила»), взявшись за руки, начинали медленно кружить вокруг несчастного, которому оставалось наугад вскинув руки с галстуком вперед, заарканить свою «жертву». После чего, «пленник» и водящий вставали спиной друг к другу (на приличном расстоянии) и на счет «раз-два-три», должны были повернуться лицом к лицу. Если оба участника синхронно разворачивались с одной стороны, то они обязаны были, чмокнув друг друга в щеку, мирно расстаться. Если же – «вразнобой», то бывший водящий встраивался в общий хоровод, а на его место заступал «новичок».

Налицо – явный беспорядок.

Саша был лет на пять старше нас, а потому внес разумное предложение – несколько усовершенствовать игру, с учетом, так сказать, бухарской специфики, а точнее – специфики нашего двора.

Во-первых: повязка на глаза – совершенно излишняя вещь, позорящая доброе и светлое имя пионера, одним из качеств которого всегда являлась честность. Будет вполне достаточным полагаться на это качество. Это предложение было встречено с пониманием. Особенно мужским электоратом, поскольку не очень-то «светила» перспектива – чмокаться с приятелем.

Во-вторых: целоваться следует «по-человечески», то есть, в губы. Женская половина смущенно молчала, что было справедливо всеми сочтено за согласие. Игра заметно оживилась, обретая с каждым днем всё новых поклонников.

Аппетит, как известно, приходит во время еды: следующее нововведение касалось продолжительности поцелуя. В ходе бурного обсуждения, стороны, все же, пришли к компромиссу: было решено считать до десяти.

Ещё через какое-то время, тот же Саша счел неприличным целоваться у всех на виду и предложил «идеальный» вариант: хоровод зрителей громко продолжает считать до десяти, но... уже повернувшись спиной к участникам эксперимента. Эта существенная поправка позволила снять скованность в отношениях, добавив игре шарма и дополнительного очарования. Игра постепенно приобрела сумасшедшую популярность, вытеснив такие игры нашего двора, как «казаки-разбойники», «догонялки» и всякие викторины.

И, все же, один момент в этой игре нас явно смущал, а именно: как угадать с синхронностью разворота партнеров в предвкушении долгожданного поцелуя?

Но Саша не был бы Сашей, если б не его смекалка: ведь не зря же он учился в институте.

– Надо встать плотно затылками друг к другу и взяться за руки – совершенно объективно и непредвзято подсказал нам старший товарищ.

Воцарилась тишина. Чувствовалось – идёт интенсивная работа мозга.

И, буквально, в следующую секунду, лица всех участников заметно просветлели и оживились.

«Взяться за руку»! Вот оно, то спасение, что дает надежду, а вместе с ней и десятки способов и ухищрений для того, чтобы передать незаметный условный знак своему партнеру

(партнерше), начиная от постукивания, поглаживания и до обыкновенного легкого сжатия руки...

«Бедные артековцы! – искренне жалели мы несчастных отличников и очкариков всего Советского Союза. – Если б они только знали – насколько мы усовершенствовали эту настоящую пионерскую игру!»

Диля

Диля была пятым (или – шестым?) по счёту ребёнком в большой многодетной семье, жившей с нами по соседству. Корни этой семьи терялись где-то в арабском квартале Бухары. Родители её были самыми обыкновенными простыми тружениками: мать – домохозяйка, отец – уважаемый садовник, которому было поручено озеленение и благоустройство садов и скверов города.

В типичной ортодоксальной семье, где воспитывалась девочка, свято чтились мусульманские традиции, предписываемые шариатом, и неизбежно соблюдался патриархальный уклад жизни, с соблюдением строгой иерархии и безусловным почитанием родителей и старших. А потому, излишне говорить о том, какое значение придавалось в этом доме воспитанию детей, и прежде всего – воспитанию девочек.

К примеру, мне никогда не доводилось видеть Дильбар (а именно так звали на самом деле нашу героиню) в скромной школьной юбке, не говоря уже о брюках или (боже упаси!) джинсах. В любое время года на ней неизменно присутствовало длинное широкое платье строгого покроя, с наглухо прикрытым воротом, а ноги, по самые щиколотки, были вечно скрыты под национальными шароварами. В исключительных случаях, вместо шаровар, натягивалось длинное синие трико.

При этом, девушку отнюдь нельзя было отнести к разряду забитых или отсталых в своём развитии детей. Нет. Ей тоже, как и остальным ребятишкам нашего двора, были присущи такие черты характера, как общительность, весёлый нрав, юмор и озорство. Правда, последнее качество носило довольно странный характер. Совершить какую-нибудь пакость исподтишка, являлось, пожалуй, одним из любимых занятий Дили. Это ей доставляло огромное и ни с чем, ни сравнимое удовольствие.

Гордостью нашего двора был бассейн. Такие типовые резервуары, запроектированные на пожарный случай, имелись почти при каждом дворе. Они представляли собою пустые бетонированные колодцы трёхметровой глубины, с примерно таким же диаметром, и были, как правило, засыпаны почти наполовину различного рода строительным мусором и всякими отходами производства.

В один из дней, общими усилиями ребят нашего двора был организован «субботник», и ... вскоре мы уже плескались в собственном «лягушатнике», на зависть ребятам окрест лежащих дворов. Целыми днями мы проводили всё своё свободное время возле любимого «озера». Иногда, накупавшись вдоволь, мы укладывались пузом на широкий горячий борт бассейна, подставив свои спины знойному солнцу, и загорали.

Именно в такие моменты, коварная Диля незаметно подкрадывалась к ничего не подозревающей жертве и, резко столкнув её в воду, с ехидным смешком отбегала быстро в сторону. В эти минуты душа её ликовала на седьмом небе от счастья.

Каждый из пострадавших втайне лелеял в душе свою сокровенную мечту – застать когда-нибудь свою обидчицу врасплох, чтобы проучить хулиганку. Однако, осуществить подобное было крайне сложно: во-первых, купаться ей строго было запрещено, а во-вторых: она и сама никогда в жизни не рискнула бы прыгнуть в бассейн, поскольку совершенно не умела плавать. Кроме всего прочего, она обладала ещё одним немаловажным качеством, которое сводило на нет все тщетные попытки обиженных товарищей ущутить своего кровного врага. Дильбар была очень хитрым и чрезвычайно осторожным противником. Как ни старались бедные ребята, ничего у них не выходило: каким-то непонятным дьявольским чутьём соперница вмиг «раскусывала» интригу и, в самый последний момент, ускользала от возмездия, открыто затем насмехаясь над неудачниками.

И, всё же, однажды наша «Мата-Хари» прокололась...

В один из дней, родитель протянул своей дочери пять рублей, наказав ей сходить на рынок и купить каких-то продуктов. Следует отметить, что пять рублей в те времена были суммой немалой. Крепко зажав в кулак драгоценную купюру, Диля вышла из дому, с намерением двинуться в сторону базара. По привычке, она бросила взгляд на «лягушатник», откуда доносились радостные крики и визг мальчишек и девочек. И тут, заметив, что двое ребят стоят к ней спиной, она не утерпела и, пригнувшись, начала осторожно к ним подкрадываться.

Диля настолько увлеклась своей охотой, что совсем упустила из виду притаившегося неподалеку в кустах одного из её мстителей. Едва она успела столкнуться в воду одного из мальчишек, как неожиданно почувствовала сильнейший толчок в спину, заставивший её полететь вслед за товарищем в бассейн.

Раздался долгожданный взрыв хохота. Однако, уже через пару секунд выяснилось, что Дильбар совершенно не умеет плавать: её беспомощное тело то уходило на дно, то резко всплывало на поверхность, вскидывая вверх свои худющие руки.

– Дай руку! Дай!! – кричал мой товарищ, едва голова несчастной в очередной раз показывалась из воды.

Диля же, напрочь игнорировала своих спасателей: потрепыхавшись некоторое время на поверхности, она вновь уходила под воду. Наше радостное злорадство вмиг сменилось серьезной тревогой. Необходимо было что-то срочно предпринимать. Наконец, один из нас сумел ухватить её за запястье и с силой потянул «утопленницу» к себе. Не прошло и минуты, как Диля вновь стояла на берегу бассейна. С прилипших к телу одежд, обильно стекала вода.

– Ты чё не давала нам руку?! – возмущенно крикнул ей в ухо мой товарищ.

Вместо ответа, она оттолкнула нас от себя и, отбежав в сторонку, дрожащей ручонкой стала медленно разжимать свой кулачок. И в следующую секунду все были поражены невероятным чудом: на раскрытой ладони покоилась совершенно СУХАЯ синяя банкнота, достоинством в пять рублей!

Дороги, что нас выбирают

Судьба свела меня с Амоном в золотую пору моего студенчества.

Являясь на пару лет старше меня по возрасту, мой товарищ, прежде всего, обладал поистине энциклопедическими знаниями, приятной внешностью, горделивой и уверенной осанкой и высочайшей культурой общения, унаследовавшей, по всей вероятности, от своего дедушки – потомственного бухарца, очень авторитетного и уважаемого человека в среде интеллектуалов и религиоведов города. Кроме того, невозможно не отметить такую черту его характера, как остроумие и умение совершенно свободно полемизировать на любые темы. Не раз, его убедительная аргументация и меткие лаконичные высказывания обескураживали и сваливали наповал вполне уважаемых и солидных в научных кругах специалистов. Дилетантов же, он безжалостно уничтожал своим неподражаемым сарказмом, что вызывало во мне всегда двойственные чувства: наряду с некоторым неприятием столь жесткого метода по отношению к оппоненту, невозможно было не восхититься его уверенностью в своей правоте и тем, как это он мастерски проделывал.

«Коньком» же, его оставалась история. Особенно, что касалось искусства Средней Азии и, конечно же, краеведение. Не случайно, известные специалисты Института Востоковедения, приезжавшие довольно часто по делам в Бухару, изъявляли желание непременно в качестве гида видеть именно Амона, предпочитая его всем остальным экскурсоводам.

В упомянутую пору, мы работали с ним вместе в гостинице «Бухоро» от ВАО «Интурист», в качестве обычных барменов и буфетчиков, а потому довольно часто уединившись, предавались жарким спорам и различного рода дискуссиям. Естественно, что я не скрывал своих симпатий к нему, а ему, в свою очередь, почему-то всегда было интересно общаться со мною. Так, однажды разговаривая на тему общих знакомых, мы вдруг неожиданно выяснили, что являемся не такими уж и дальними родственниками. Постепенно речь зашла о его бабушке – главном «виновнике» нашего родства – и я, понятное дело, стал выпытывать у товарища некоторые подробности его детства.

– У деда было две жены – видя моё упорство, сдался, наконец, Амон. – От первого брака родилась моя мама. Прошло несколько лет и вышло так, что деду пришлось жениться вновь. От второго брака на свет появилось трое детей: двое мальчиков и девочка. Но, поскольку к тому времени моя мама уже успела выйти замуж и родить меня, то разница в возрасте между детьми от второго брака и мною была невелика. Таким образом, формально выходило, что они приходятся мне «дядей» («тётей»), однако фактически мы были братьями, а потому частенько нас всех можно было застать ползающими или сидящими на коленях у счастливого дедушки. Тот же, никогда не делил детей и внуков, по какому бы то ни было признаку, а потому всегда распределял свою безграничную любовь одинаково и ровно между всеми. Довольно часто, во время совместной трапезы, дедушка имел обыкновение кормить нас из своих рук, что является делом привычным для жителей не только Бухары.

Тут я вынужден был прервать повествование моего друга, заинтересовавшись – чем объясняется тот факт, что обладая поразительной схожестью (все братья впоследствии переняли от деда-отца природную одаренность и уникальный ум), тем не менее, все они являются такими разными по характеру и темпераменту. И вот какую историю мне удалось узнать.

В один из дней, на обед была сварена шурпа – разновидность распространенного в среднеазиатской кухне супа, состоящего в основном из бульона, мяса и овощей. Традиционно, во многих семьях принято крошить в кашу с супом зачерствевший хлеб или лепешку. Так сказать, для экономичности, бережливости и пущей сытости. Помимо прочего, это ещё и способствует скорейшему остыванию бульона, что имеет немаловажное значение при кормлении детей.

Все трое мальчиков облепили главу семейства, приготовившись к еде. Дед, как обычно, принялся кормить, приговаривая при этом, обращаясь вначале к старшему:

– Абдусаторжон, шумо шўрбоя чияша нағз мебинед? («Абдусаторжон, что тебе более всего нравится в шурпе?»).

– Ман нонаша нағз мебинам, дадажон. («Я хлебушек люблю, папочка») – скромно отвечив старший, показывая, тем самым, что он хорошо усвоил уроки жизни и вместе с тем давая понять, что выбор его был не случаен («хлеб – всему голова»), что, конечно же, не могло не вызвать одобрения со стороны отца.

– Баракалло! («Превосходно», «замечательно»!) – умилительно прошептал родитель, растроганно моргая ресницами и, собственноручно отправив размокший и нежный кусочек лепешки в рот сыну, повернулся к среднему:

– Абдукаримжон, шумо шўрбоя чияша нағз мебинед? («Абдукаримжон, что тебе более всего нравится в шурпе?»).

– Ман обаша нағз мебинам, дадажон. («Я бульончик предпочту, папочка») – нашелся тут же средний сын, стараясь ни в чём не уступать в благородстве своему брату и демонстрируя такие качества прилежного мусульманина, как скромность, довольство, непритязательность и забота о других.

– Баракалло! – не выдержав, прослезился отец, поднося ко рту воспитанного сына деревянную расписную ложку с ароматной янтарной жидкостью.

Наконец, очередь дошла до младшего.

– Амонжон, шумо шўрбоя чияша нағз мебинед? («Амонжон, а что ты более всего предпочитаешь в шурпе?»).

– Ман гўшташа нағз мебинам!!! («А я мясо люблю!!!») – взревел Амон и, под взрыв всеобщего хохота домашних, кинулся расправляться с бараниной.

Случай в маршрутке

Для более быстрого обслуживания пассажиров маршрутного такси, бухарские водители нанимают себе в напарники друзей или родственников. Последние, как правило, располагаются в общем салоне, где и производят непосредственные расчеты с пассажирами.

На очередной остановке, в машину садятся две женщины: пожилая свекровь и молоденькая невестка. Причем, невестка садится на единственное свободное место сзади, а свекровь – рядом с шофёром, с которым тут же расплачивается за проезд.

Затем, оборачиваясь назад, кричит на весь салон:

– Келинмулло! Бо аз акиб на тед – ман аз пеш додам! («Невесточка! Не вздумай давать сзади – я уже спереди дала!»)

Внезапно наступившая пауза длится пару секунд, после чего, громкий хохот сотрясает всю маршрутку.

Яйца от чёрной курицы

Как известно, базары на Востоке открываются рано, едва забрезжит утренняя заря. К счастью, мое поколение ещё застало настоящий базар, главным действующим лицом которого являлся рядовой дехканин, кормившийся от плодов рук своих. Нынче же, всё в руках у перекупщиков, которые диктуют свои цены. Эти современные флибустьеры рыночной торговли, рядового колхозника и на пушечный выстрел не подпустят к воротам рынка. Но, похоже, я как всегда отвлекся...

В золотую эпоху моего детства, с раннего утра, сбоку от рынка, можно было заметить серую толпу невзрачных дехкан-колхозников, со своими бидонами, ведрами, корзинами, котомками, тазами... В основном, это были сельские молочники: торговцы кислого молока, каймака, местной брынзы (панир). Чуть поодаль от них, как правило, располагались продавцы куриных яиц. А яйца – надо сказать – неотъемлемый продукт любой уважающей себя еврейской семьи. И вот, рано поутру, можно было застать типичную картину: старый бухарский еврей долго и монотонно торгуется с робким селянином. Последний, порядком проинформированный о хитрости и коварстве евреев и не желая прослыть в глазах земляков обманутым простофилей и дураком, упорно борется за каждую копейку.

– Семь копеек!

– Не-е: десять!

– Так и быть: восемь!

– Не-е: девять!

– Ну, хорошо: пусть будет по-твоему – восемь с половиной!

Сконфуженный дехканин, едва окончивший пять классов и далекий от дробей, явно впадает в ступор, теряясь и не находя слов. В итоге, более поднаторевший в этом деле оппонент, добивается своего: кишлячник согласен уступить яйца по восемь с половиной копеек за штуку. И уже начинает было перекладывать товар из своего ведра в коробку покупателя, однако, тот внезапно останавливает начатую процедуру, озадачивая продавца следующей шарадой.

– Нет, погоди, так дело не пойдёт! Ты ведь, знаешь, что мы – евреи – не всякие яйца едим? Тем более, что я собираюсь навестить больного сородича.

Окончательно сбитый с толку несчастный горе-продавец машинально кивает головой. Меж тем, потомок Моисея поясняет:

– Яйца от белой курицы больному еврею есть запрещено! А потому, я сам буду выбирать, поскольку мне нужны яйца только из под черной курицы.

И под замороженный взгляд загипнотизированного колхозника, еврей тщательно отбирает требуемые яйца. Наконец, расплатившись, собирается до дому.

– Постой! – неожиданно доходит до незадачливого дехканина. – А как ты различаешь – КАКИЕ яйца от белой курицы, какие – от черной?!

– Это очень просто. – раскрывает на прощание свой секрет бухарский еврей. – Те, что по-крупнее – от черной курицы...

Воспоминания ветерана

О своеобразном бухарском юморе, доводилось писать немало. Вот, ещё одна история, поведанная мне товарищем-бухарцем, в бытность свою, состоящем на службе в одной из жилищно-эксплуатационных контор (ЖЭК) города, начальником которого являлся бухарский еврей по фамилии Устаев.

Как известно, в советскую эпоху, на 9 мая принято было приглашать ветеранов – участников Великой Отечественной войны – в школы, где они рассказывали подрастающему поколению советских школьников о своих героических подвигах, вселяя, таким образом, в юные души гордость за Родину и Отечество и способствуя, тем самым, укреплению героического духа и безоглядного патриотизма, что – в общем-то – было делом обычным и отвечало требованиям политики и идеологии существующего на тот момент режима. После чего, всех ветеранов приглашали в чайхану, на чаепитие, устраиваемое начальниками ЖЭКов, где пожилым фронтовикам вручались подарки, почётные грамоты и благодарности от имени «Партии и Правительства».

Иногда, на подобного рода посиделках, между отдельными героями завязывались непринужденные беседы, воспоминания и забавные эпизоды из прошлого. Не обходилось, порою, без подколов и шуточек в чисто бухарском стиле. Так, на очередной «сходке», товарищ Устаев, протягивая кобальтовую пиалу с хлопковым орнаментом одному из приглашённых почётных гостей, решил растормошить старого ветерана:

– Ну, а Вы где воевали? Судя по наградам, небось, до самого Берлина дошли?

– Нет, – простодушно сознался герой-инвалид – до Берлина дойти мне не довелось...

И, глотнув из расписной пиалы ароматный горячий зеленый чай, начал своё повествование.

– Войну я встретил (тут он, «автоматом», стал перечислять: в составе такого-то полка, такой-то гвардейской дивизии, такой-то армии...) в Белоруссии, на подступах к Минску. О, это было жестокое сражение! Немец навалился на нас всей своей мощью артиллерии, танков и самолетов... Но мы героически дрались... до последнего патрона... Потом, мы отступили...

Здесь он, тяжело вздохнув, выдержал короткую паузу и вновь продолжил.

– Затем, мы чуть не попали в окружение под Смоленском. О! горячая, надо вам доложить, вышла драка! Всюду бомбы, пули свистят... небо заволочло дымом... ничего не видно... Но мы решили стойко держаться до последнего... Однако, в конце-концов, отступили...

Ветеран не спеша отхлебнул чаю, после чего, вернулся к своим воспоминаниям.

– Но то, что было под Москвой, трудно поддается описанию, это был настоящий кошмар: фашист прёт, насаждает... буквально со всех сторон... давит, одним словом... Но и мы – не на жизнь, а насмерть – вросли в окопы и ни в какую! Вот умрём тут и – всё! В общем, в этом сражении мне оторвало руку и меня переправили в госпиталь...

В этот момент, с задних рядов, доносится реплика одного из фронтовиков:

– Хорошо, что тебя ранило под Москвой: иначе, ты их так, похоже, аж до самой Бухары приволок бы за собой...

Полцарства за... кота в мешке

Да что там, «пол-царства»... За информацию об истории своей любимой Бухары, я готов отдать всё! И, тем не менее, вот какой казус произошел на днях.

Один мой товарищ – очень известный историк и краевед – прознав о том, что я ищу сведения об исторических памятниках родного края, посоветовал мне приобрести книгу О. Д. Чехович «Арк».

– Там в полном объеме представлена информация не только о самом арке, но – что самое главное – подробно освещен придворный этикет, со специальными названиями и терминами, бытовавшими в упомянутую эпоху – подчеркнул мой друг.

– О! Это то, что мне надо! – воодушевился я и поблагодарив, тут же, кинулся искать эту книгу на просторах всемирной паутины, в надежде найти и скачать бесплатно электронный вариант.

Однако, не тут то было: как вскоре я выясню для себя, исследовав имеющиеся в распоряжении поисковики (яндекс, гугл...), бесплатным бывает лишь сыр в мышеловке. Тем не менее, я ничуть не расстроился, можно сказать, даже загорелся желанием, во что бы то ни стало, приобрести столь важную книжку.

«Раз её нет в интернете, следовательно она и в самом деле представляет ценность!» – резонно вывел я заключение.

Какова же была моя радость, когда вскоре, войдя на сайт «Alib.ru – букинистические книги» и вбив в поисковик искомые слова, я вдруг с удивлением обнаружил, что могу приобрести столь необходимый для себя источник всего за каких-то несчастных 70 рублей! На всякий случай, я тщательно протёр свои глаза и вновь внимательно прочитал всё заново. Да, всё верно: вот фото самой книжки, вот рядом и информация о продавце, вот контактные данные.

«Боже! Да она живет в Питере!» – радостно воскликнул я. Это означает, что я могу просто, позвонить, приехать и забрать книгу без всяких посредников.

Желая подстраховаться, на всякий случай, я решил приобрести ещё одну (очень схожую) книжку с тем же названием. Правда, продавец был из Новосибирска. И цена – чуточку больше – 100 рублей.

«Ерунда...» – решил я про себя и в ту же минуту, заполнив соответствующую форму, составил заказ. После чего, смело набрал номер телефона первого продавца, проживающего в Питере.

– Да – раздался в трубке глухой и сиплый женский голос, из чего я заключил, что это, по всей вероятности, одна из жительниц блокадного Ленинграда. – Да, это я – Нина Павловна... Да, продаю... вынуждена была попросить свою дочь, чтобы она разместила объявление. Да, можете в любое время подъехать. Записывайте адрес: станция метро «Гражданский проспект», улица Ольги Форш...

Наспех одевшись, я выскочил на улицу. Пока шел до станции метро, весь находился в каком-то возбужденном состоянии, которое знакомо увлеченным личностям, занимающихся коллекционированием марок, открыток, монет...

«Нет, это же надо, КАК мне повезло! – ликовал я, летя навстречу своей удаче. – Господи, и за что я это заслужил?! Боже, благодарю Тебя! Тысячу раз благодарю!»

Вскоре, от избытка чувств, переполнявших меня, мысли мои приобрели несколько другой оттенок.

«Бедная и несчастная женщина! – стал я искренне жалеть старушку. – Не от хорошей жизни она видать продаёт столь ценные книги. Возможно, работала где-нибудь в отделе рукописей или институте Востоковедения... А я тут... пользуясь её бедственным положением... Ай, как это нехорошо получается»

И тут же, спустя несколько секунд:

«Нет, так не годится. Помнится, она ещё сказала мне, что у неё есть несколько подобных книжек. Так вот, даже если они мне и не нужны, я всё равно выкуплю их тоже, дабы помочь несчастной и поддержать её материально».

Вот на такой благородной ноте я закончил свои размышления, очень скоро оказавшись возле нужной парадной. Позвонив в домофон, я узнал её низкий сиплый голос. После чего, подтвердил:

– Да, Нина Павловна, это я.

Едва дверь открылась, мгновенно влетел в подъезд и взлетел на требуемый этаж. Дверь в квартиру была заблаговременно приоткрыта. С трудом совладав со своими эмоциями, я робко переступил порог квартиры и, встретившись с глазами хозяйкой, поспешно поздоровался. Нина Павловна равнодушно оглядела меня и слабо кивнув головой, указала мне на трюмо, которое располагалось рядом с входной дверью.

– Вот Ваша книжка.

То, что мне довелось увидеть секундой позже, проследовав за её взглядом, невозможно описать словами. Я наткнулся на... малюсенькие тоненькие туристические буклеты, веером разложенные на столике перед зеркалом. Целый каскад чувств и эмоций, словно холодным душем, окатили меня с головы до пяток в течение одной доли секунды. Это был шок, настоящее потрясение! Тут смешалось всё: разочарование, досада, злость, обида, наконец, смех и жалость. Эти два последних окончательно утвердились во мне: смех по отношению к себе и жалость – к этой ни в чём не повинной женщине.

Удивительно, но позже я воздам себе должное за актерскую игру и артистизм: с трудом взяв себя в руки, я лишь выдам:

– А-а... мне казалось, что книжечки должны быть потолще.

– Но ведь, я там всё написала...

– Да, да... – перебил я старушку. – Всё верно. Я конечно же, весьма Вам признателен и благодарен. И возьму в придачу, пожалуй, вот эту и вот эту. Они ведь, все по одной цене?

– Да! – радостно подтвердила Нина Павловна и тут же, с сожалением добавила. – Жалко, конечно, расставаться: это же, как-никак память о нашем пребывании в Средней Азии. Тогда ведь, мы все жили совсем по-другому... Впрочем, зачем я Вам об этом рассказываю: Вы и без меня всё прекрасно помните.

– Как же: конечно помню! – быстро согласился я, отсчитывая 210 рублей и параллельно воскрешая в памяти свою работу в «Интуристе» в качестве бармена. Подобных туристических буклетиков, переплетенных в огромные стопки, валялось в моей «подсобке» целая куча, раздражая меня и занимая собою изрядное пространство. Дабы поскорее избавиться от них, я раздавал их бесплатно направо и налево, всем туристам подряд.

– Ну и как: удалось ли заполучить нужную книжку? – первое что спросила у меня жена, едва вошла домой после работы.

– Ага! – и радостно кивнул головой на столик в прихожей.

Немая сцена продолжалась не более двух секунд, после чего мы вместе расхохотались.

– Ну, ничего: зато доброе дело сделал старушке! – заключила супруга и вновь весело рассмеялась. – Ишь, какой хитрый: за 70 рублей захотел приобрести раритет! Так, что знай наших! Нет, ну как она смогла...

Однако книжная эпопея на этом не закончилась.

Я уже было стал забывать об этой истории, как вчера вечером обнаружил в почтовом ящике квитанцию-уведомление о получении ценной бандероли из Новосибирска. И первым делом, глянул на сумму, которую мне предстояло заплатить. 217 рублей. «Ну, ничего страшного...» – успокоил я себя.

На утро следующего дня, я пришел на Главпочтамт, расположенный буквально в двух шагах от моего дома. Подойдя к заветному окошку, с удивлением отметил, что никакой очереди нет. Заполнив бланк, я стал нетерпеливо ожидать, когда мне вынесут долгожданный сверток. «Может, хоть здесь обойдётся без облома?» – мысленно успокаивал я себя.

Наконец, в дверях появилась девушка с заметно внушительным свертком. Сердце волнительно затрепетало.

– С Вас 267 рублей. – буднично протянула оператор.

Естественно, я не стал спорить и вдаваться в подробности.

Не дожидаясь до дому, я тут же попросил ножницы и стал вскрывать пакет. За целлофановым мешочком оказалась грубая толстая типографская бумага. За нею – несколько толстых пачек картона. Со злостью, разорвав очередную преграду, я со смехом извлёк последнюю «матрёшку». Им оказался... ещё один полиэтиленовый пакетик, внутри которого бережно покоился знакомый мне маленький буклетик, где на трёх языках давалась скупая информация об арке, известная мне чуть ли не с пеленок. Тем не менее, пока я шел до дому, с интересом прочитал её вновь.

А вечером, сидя за ужином, мы вновь вспоминали про Бухару и её достопримечательности. Неожиданно, супруга заинтересовалась:

– А можно взглянуть на последнее Ваше приобретение? – и взяв в руки буклетик, прочитала вслух указанную цену на обороте – Надо же: 6 копеек! Даже по советским меркам, когда доллар стоил 67 копеек...

Тут она не выдержала и рассмеялась. Я тоже невольно прыснул.

– Так, а теперь посчитаем, сколько было потрачено на наши «антикварные книжки». С учетом поездок на метро, трамвае...

– Лен, а может не надо? – прервал я супругу и слабо улыбнулся. – Ничего не поделаешь: значит, «судьба такой»... Зато, как память останется...

А у нас в квартире газ

Как известно, советская эпоха отличалась не только коммунистическими субботниками и дурацкими транспарантами на 1 мая и 7 ноября. Во всяком случае, в социальном плане народ был защищен на порядок выше, чем сегодня: бесплатная медицина, образование, дома пионеров, профсоюзные путевки, санатории... Да и цены были стабильными, не выделявая неожиданных кренделей. Помимо прочего, родимой Партией и правительством, во главе с «лично дорогим товарищем...», разрабатывались серьезные государственные проекты, призванные улучшить социальную жизнь наших граждан с тем, чтобы в ближайшем будущем «догнать и перегнать Америку» и весь загнивающий Запад. Одним из таких проектов, в начале 70-х годов в Узбекистане, являлся план газификации районных городков и отдаленных сельских поселков.

Бригаде моего товарища, был доверен один из таких участков. Понятное дело, что в первую очередь, планировалось проложить трассу к наиболее крупным объектам, имеющим жизненно важное стратегическое значение, оставляя на «потом» второстепенные населенные пункты и деревеньки. А потому, нетрудно понять, с каким волнением и надеждой, местные жители окрестных кишлаков взирали на газовиков, прокладывающих совсем недалеко от их селения «голубую» трассу, несущую в дом тепло и уют. Однако, вскоре, убедившись из расспросов, что природный газ ещё не скоро придет в их жилища, многие из них расстраивались, возвращаясь домой и разочаровывая своих селян. Тем не менее, уже тот очевидный факт, что основная магистраль проходит неподалеку, успокаивала их, вселяя надежду на то, что и на их улицу совсем скоро придёт праздник. Правда, следует отметить, что порою, попадались, мягко говоря, странноватые неразумные товарищи, которым совсем непросто было объяснить, почему столь долгожданное чудо, не может попасть на их кухню сегодня.

– Слющай, дарагой! – крепко ухватив за локоть Жору, вкрадчиво шепчет один из подобных типов и зануд. – Ми всё харашо панимаем: есть «государственный план»... туда-вой-сюдавой... Но ты меня тоже пайми: у меня балшой семья... всех их кармить нада...

– Но это в принципе невозможно! – поражается мой друг. – Как я тебе проведу отдельную «ветку», если никаких врезок не предусмотрено по плану?! Да и начальство мне этого не позволит.

Однако настырный селянин «ни в какую» не желает отступать от задуманного. В его больном воображении уже рисуется радужная картина: весь кишлак сбежался к нему домой, поглядеть на это чудо; кругом «охи» и «ахи»; соседи от зависти скрежещут зубами; во всей округе, ни у кого нет газа, а у него – есть! Он ещё крепче сжимает моего приятеля за руку и незаметно старается отвести его в сторону.

– Ты думаешь, я ничиго не панимаю?! Я фсё панимаю! – продолжает он уламывать. – Но... зделий мне исключение, хай⁴? Не бойся: я тибя харашо атблагадарю!

В общем, товарищ мой уже настолько обессилен, что нет сил возражать.

Тут, к нему подскакивает бригадир и незаметно моргнув Жоржику, успокаивает местного «воротилу»:

– Хоп, бўпти⁵, сделаем: будет у тебя газ!

Тот, обалдев от счастья, обнимает бригадира, после чего, укоризненно обращается к Жоре:

⁴ Хай # «ладно», «хорошо».

⁵ Хоп, бўпти # «ладно, будет сделано».

– Видишь! – победоносно заключает «бай», указывая на бригадира. – Я же гаварил, что фсё панимаю! Вот, товарищ тоже мне понял...

В назначенный день, у сельского нувориша на кухне вспыхнул долгожданный газ. Домашние в восторге, хозяин дома удовлетворенно потирает руки: «завтра все соседи сдохнут от зависти!»

– Только смотри: никому ни-ни! – заговорчески наказывает напоследок бригадир. – А то, нам с Жоржиком крепко влетит. Турма, понимаешь?!

– Э-э... – обижается глава семейства. – Я же фсё панимаю...

– Как?! – не дождавшись окончания истории, изумленно взираю я на друга. – Вы что – втихую сделали врезку?!

– Ну, что ты: кто ж, нам разрешит в магистральную трубу...

– А откуда, в таком случае, у него появился газ?

– От баллона с пропаном, закопанного в ста метрах от его дома.

И в следующую секунду, мы оба заливаемся смехом. Наконец, жалея несчастного, укоряю своего приятеля:

– Жор, но ведь, это нечестно... И потом: вы не боялись, ЧТО вы ему скажите, когда газ в баллоне иссякнет?

– Ну, во-первых, он сам напросился... хотел щегольнуть перед соседями – утирая слезы, пояснил мне товарищ. – Да и плату мы с него взяли чисто символическую. А во вторых, к тому времени, когда у него закончится газ, мы уже будем далеко...

Уроки этикета

Так уж судьбе было угодно, что молодую девушку из традиционной бухарской семьи, выдали замуж за тюркского степняка. Одним словом, простой быт, суровые нравы...

Через положенное время, согласно местному обычаю, родители невесты собрались навестить свою дочь. Единственную бабушку, находящуюся в преклонном возрасте, решено было взять с собой. Наконец, преодолев немало трудностей и перипетий, гости добрались до глухого поселка, расположенного в бескрайних просторах казахстанских степей, на окраине бывшего бухарского эмирата.

Не избалованные столичным этикетом хозяева, приняли сватов «по-спартански», сдержанно и просто, разостлав прямо на земле длинный дастархан, заставленный скудной снедью, состоящей – в основном – из плоских лепешек и фруктов.

По традиции, невестка должна научиться принимать гостей. И первые уроки в этом деле, обязана преподать свекровь. Почтенная старушка, воспитанная в аристократических условиях бухарского быта, деликатно склонила голову, ожидая услышать привычную сладкоголосую трель, нежные воркования и ласковые наставления новоиспеченной родительницы. Однако, в следующую секунду, чуть не подпрыгнула на месте, заслышав непонятное и маловразумительное:

– Кулувны джув! – отрывисто обратилась свекровь к невестке в грубом приказном тоне.

– Мастурахон! Ин чи гуфт? (тадж. «Мастурахон! Что она такое произнесла?») – тревожно обратилась старушка к своей дочери, с испугом озираясь на хозяйку дома.

– Дастата шўй! («Вымой руки!») – перевела на таджикский дочь.

На что, изумленная бабушка едва пролепетала:

– О ин тў намеғўн-ку... («Но ведь, так не говорят...») – и, словно перенесясь в своё прошлое, нежно прошебетала, демонстрируя классику: – О бачекам, дажонакам! Бед, дастакотана мешўем... («О дитя моё, сладкое! Пройдёмте, вымоем Ваши рученьки...»)

Приметы конца

Остатки «недобитой бухарской интеллигенции», устроившись в уютной московской квартире, взволнованно обсуждают текущее положение дел на родине. Хамза, в отличие от своего сдержанного и умудренного жизненным опытом собеседника, в силу своего импульсивного характера, склонен к чрезмерной драматизации событий и паникерству. При этом, всякий раз, получив очередную новость (а они – как правило – имеют тенденцию ухудшаться), он в ужасе хватается за голову и обращаясь к другу, задаёт один и тот же вопрос:

– Шавкатжон, о ина охираш чи мешудаги бошад, а?! («Шавкатжон, чего же нам в конце ожидать-то, а?!»)

В смысле: «если сейчас так плохо, то каково же будет, когда наступит конец?»

На что товарищ невозмутимо выдаёт:

– О шуд ку! Кор нест, пуль нест, к#токам нест: бо аз ин кучо?! («Так ведь, он уже наступил! Работы нету, денег – нет, ни х## нету: куда уж, дальше-то?!»)

Ностальгия или испорченный телефон

Ностальгия – довольно-таки непростая штука...

К моему другу Юре, проживающему в Сосновом Бору, собрался приехать в гости его давний приятель из Бухары, с которым они вместе заканчивали школу. Как говорится, дело известное: столько лет, столько зим... друзья детства... и прочее. Оставаясь верным восточным традициям (кто ж, в гости без подарков ходит?), приятель допытывается у Юры по телефону.

– Чего тебе привезти? Говори, пожалуйста, только не стесняйся, ради Аллаха!

Юрий добродушно усмехается в трубку:

– Себя не забудь! Сейчас другое время, можно купить ВСЁ: были бы деньги... – и видя, что друг не унимается, неожиданно вспоминает. – О, осенило! Если несложно, привези, пожалуйста, пичак!⁶

– Чего-о? – недоумённо переспрашивает его на том конце провода друг.

– Пичак! – громко орёт в трубку Юра, воодушевляясь и представляя себе настоящий узбекский нож чувствской работы.

Встретившись через два дня, друзья сидят в уютной Юриной квартире и, перебивая друг друга, делятся своими впечатлениями.

– Ух ты! Я же про главное чуть было не забыл! – хлопает вдруг себя по лбу гость, склонившись над ручной кладью. И буквально в следующее мгновение выкладывает на стол увесистый сверток с жареными пирожками.

– Что это? – ошарашенно вопрошает Юра.

– Как «что»? – удивляется, в свою очередь, приятель, изумляясь дырявой памяти своего одноклассника. – Ты же сам просил меня привезти тебе бичак?!⁷

На несколько секунд в воздухе повисает мрачная тишина, после чего, кухню оглашает дикий вопль хозяина дома:

– Ишак ты безмозглый! Я тебе говорил про пичак! Пчак, понимаешь?!

– А-а... – доходит наконец до коренного бухарца, в сознании которого вместо тюркского «пичак», с ножом прочно ассоциируется привычное с детства таджикское слово «корд». – Сказать по правде, я ещё тогда удивился про себя: «и на фиг ему сдался обыкновенный бичак?!» Но потом до меня неожиданно допёрло – ностальгия!

– Да пошел ты в жопу, со своей ностальгией... – растроено произносит Юрий и, через секунду встретившись глазами, оба товарища заходятся в приступе дикого смеха.

⁶ Пичак, пчак (узб.) – национальный узбекский нож.

⁷ Бичак (тадж.) – традиционные бухарские жареные пирожки, сродни чебурекам.

Восток – дело тонкое

Выросшая и закалённая в суровых знойных условиях южного климата, наша детвора с известной снисходительностью относилась к приезжим новичкам из северных широт. В особенности, – к москвичам и ленинградцам.

Возможно, сказывались стереотипы и некая предубежденность, свойственная жителям провинциальных городков, рассматривающих своих столичных ровесников, как изнеженных белоручек и очкастых умников.

Впрочем, если копнуть глубже, то понять нас было нетрудно. В отличие от своих урбанизированных собратьев, мы были, что называется, ближе к природе. С ранних лет, чуть ли не с пелёнок, мы бегали босиком по раскалённому плавящемуся асфальту, соревнуясь между собой – кто дольше вытерпит и не свернёт в тень. Мы тщательно старались скрыть свои слёзы, ибо это означало слабость и позор, а прослыть слабаками и «маменькими сыночками» нам не хотелось. Мы целыми днями гонялись за ящерицами, скорпионами, пауками и разного рода ползучими гадами, нередко подвергая свою жизнь реальной опасности. Найдя шмелиное гнездо, мы шерудили его длинными палками и бежали прочь от разъярённого роя. Наши пятки настолько загрубели, что мы на спор бегали по колючкам, чтобы потом, укрывшись от посторонних глаз и стиснув от невыносимой боли зубы, попытаться вытащить многочисленные занозы. Словом, мы, можно сказать, являлись частью самой природы, слившись с ней в единое целое. Поэтому неудивительно, что своих сверстников из столичных центров, мы рассматривали как неких инопланетян, которых судьба случайно забросила в наши края.

О том, что к Беляковым из России приехали двоюродные братья, мы узнали в первый же день. С самого утра, ребятня нашего двора, не сговариваясь между собой, ненавязчиво крутилась возле парадной, в одной из квартир которой накануне вечером поселились гости. Всем было жутко интересно – как выглядят «бледнолицые».

Приезжие не заставили себя долго ждать, появившись вскоре босиком и в одних сатиновых трусиках. Труссы также отличались от наших своим затейливым орнаментом. Впервые в жизни очутившись на Юге, молодым ребятам не терпелось, наконец, позагорать. Ослепительно белые их тела на мгновение заставили нас зажмуриться.

– Москвичи... – с видом опытного знатока вынес заключение мой товарищ, коротко сплюнув сквозь зубы.

– С чего ты взял? – выразил я сомнение.

– Да ты посмотри, как они ходят: словно у них угли под ногами...

И в самом деле, было смешно наблюдать, как ребята осторожно и неуклюже ступали своими изнеженными босыми ступнями по грубой шероховатой земле, всякий раз, подпрыгивая и периодически вскрикивая:

– Ой, мамочки! Ой!

Надо ли говорить, как это нас позабавило...

Эта история, поневоле, всплыла в моём воображении лет через двадцать, когда я, будучи взрослым (прожив в Ленинграде-Петербурге довольно продолжительное время), приеду вместе с семилетним сыном погостить в Бухару, к своим родственникам.

– Ну совсем, как снегурочка! – не удержались мои близкие, ощупывая и тиская Алишера, хотя, по моим представлениям, он ничуть не отличался от меня самого: такой же смуглый брюнет... с темно-кариими глазами...

Но самое забавное, нас ждало впереди, когда мы вышли во двор.

Дворовая ребятня с любопытством набросилась на новичка и, облепив со всех сторон, стала бесцеремонно обсуждать его вслух, между собой, словно перед ними стоял не живой человек, а экспонат из музея.

– Из Ленинграда... – уверенно произнёс один из местных лидеров, окинув с головы до ног Алишера.

– С чего ты взял? – удивился его товарищ.

– Культурный чересчур... – заключил по непонятно каким признакам опытный профессионал.

– А мы его сейчас проверим! – оживился друг и в следующую секунду, со всего маху, врезал под зад пендаль моему сыну.

– Простите, пожалуйста... – вежливо отреагировал сынуля, вместо того, чтобы влупить хорошенько обидчику сдачи.

От неожиданности юный абориген на некоторое время лишился дара речи. Секунд пять он с раскрытым ртом изучал столь редкостный «экземпляр», после чего, совершенно обалдев от изумления, обернулся к приятелю и ошарашенно подтвердил:

– Действительно... с Ленинграда...

Восточная сдоба

В один из своих очередных приездов в Бухару, я решил порадовать своих близких настоящей российской выпечкой. Так и заявил с утра, решительно и твёрдо:

– Сегодня на кухне буду хозяйничать я! А вы – можете пока отдохнуть...

Наскоро составив список необходимых продуктов и, отправив племянника в магазин, я принялся «шерудить» по полкам и шкафчикам в поисках соответствующего инвентаря, напевая себе под нос отрывки из оперы П. И. Чайковского «Иоланта»: «Никто не сравнится с Матильдой моей...»

Ария Роберта неожиданно прервалась на самом интересном месте, когда мой шустрый племянничек, вернувшись из магазина, вывалил на стол продукты, значившиеся в списке.

– Что это?! – в ужасе воскликнул я, со страхом разглядывая серовато-грязный пакет, на котором было выведено слово «мука». Если бы не надпись, я ни на миг не усомнился, что мой родственник перепутал продовольственный магазин со строительной площадкой и вывез оттуда пакет цемента или алебаstra.

– Наша мука! – гордо отвечивал он. – Есть еще и казахстанская, но она дороже почти в два раза.

– Ну, а это, я полагаю, маргарин? – уже немного придя в себя и разглаживая морщинистую этикетку от «увесистого кирпича», скорее даже не спросил, а подтвердил я для себя, втайне надеясь, что мой племянник сейчас же опровергнет мои худшие подозрения.

Племянник молчал.

Когда очередь дошла до дрожжей, я тихо опустилсЯ на стул и ... заплакал. Мне стало стыдно, что я живу и питаюсь нормальными продуктами, раздавая направо и налево рецепты своих блюд, совершенно не догадываясь, что продукты могут сильно отличаться друг от друга, как одни люди отличаются от других.

Я живо представил – какой сложный путь они совершают и какой, при этом, «обработке» подвергаются «по пути», прежде чем лягут на прилавок конечному потребителю, то есть нам с вами. Поэтому, неудивительно, что, наш продукт до неузнаваемости меняется не только внешне, но и качественно.

К счастью, эти времена – я надеюсь – навсегда «канули в Лету». Это было давно, когда Союз развалился, и Республики только осваивались с новым для себя статусом.

И, все же, каждый раз, приезжая на Родину, я первым делом стараюсь пройтись, прежде всего, по магазинам, расположенным вокруг маминого дома. И, если все нормально, я знаю, что сегодня я на радостях позволю себе принять немного лишнего и сладостно засну. И мне будут сниться «убегающее» из кастрюли тесто и летящие вереницей по небу пирожки. Туда, – на север, в Россию...

Потомок русичей

Было это много лет тому назад. Ко мне в гости, проживающему уже в России, в Ленинграде, приехали мои студенческие друзья-земляки из Бухары – просто, навестить товарища.

Это уже сейчас, задним числом, когда межэтнические и межнациональные конфликты достигли своего апогея, я вдруг осознаю, что все мы были совершенно разных национальностей: один – кореец, другой – татарин, третий – таджик. Но это так, к слову.

Встречаю я, значит, их в аэропорту «Пулково», нанимаем такси и едем к нам домой. В машине, помимо прожженного таксиста-питерца, оказалась попутчицей еще и старенькая бабушка – «божий одуванчик» – которая за все время пути не проронила ни единого слова.

Надо отдать должное моим друзьям – восточное воспитание, впитанное кровью с молоком, не замедлило сказаться даже здесь, несмотря на то, что от дома их отделяли тысячи километров.

Проявилось это, прежде всего в том, что, прекрасно зная, – как я рад их приезду и какой прием ожидает их дома (с соответствующим, положенному случаю, количеством спиртного и так далее), они, скромно опустив глаза, стали что-то застенчиво оправдываться и лепетать о Востоке, о традициях: мол, ты ведь, прекрасно знаешь, как принято встречать гостей – достаточно всего лишь чаю и сладостей.

Понятное дело, люди, воспитанные в традициях восточного гостеприимства, никогда и нигде не позволят, своим вольным или невольным приездом обременять жизнь тех, к кому они едут. Дабы избежать всевозможных взаимных извинений и прочей учтивости, принятых на Востоке, с сопутствующими данному случаю «книксенами» и «реверансами», я вдруг выпалил, ставшую впоследствии знаменитой, фразу:

– Ну-у, это у вас так принято. А у нас – у русских...

Наш многоопытный водитель от таких слов чуть не врезался в столб, находившийся далеко на обочине, а бедная бабулька еще долго не могла прийти в себя, всю оставшуюся дорогу периодически оборачиваясь на заднее сиденье и убеждаясь в том, что мои усы и густая черная борода никуда не исчезли.

Таджик-грибник

Что, что? Вы спрашиваете меня, почему я полюбил Россию? Да хрен его знает... Кстати, хрен я также «открыл» для себя именно в России. Да что там хрен? Со многим – чем, я столкнулся впервые, ступив на российскую почву. А взять солянку? А-ах и М-мм!

Прежде всего, следует отметить лечебные свойства солянки, поскольку она по праву считается самым русским блюдом благодаря еще одному немаловажному для нашего человека свойству, а именно: является тем самым незаменимым «лекарством», что полезно принимать нашему брату с «бодуна» – самое верное и надежное средство, что помогает в борьбе с похмельем. Прекраснейшим образом «оттягивает» и восстанавливает утратившие было силы, и возвращает вкус к жизни. Поистине, они немыслимы друг без друга. Я имею в виду Россию и солянку.

Кроме солянки, Россия «познакомила» меня с такими невиданными доселе продуктами, как корюшка, кабачки, грибы, морошка, черника, брусника, клюква. Словом, со всем тем, чего нет в Средней Азии. Грибы, правда, произрастают в пустыне, но ассортимент, естественно, не такой как в средней полосе России. И, должен признаться, я сразу полюбил все. Особенно ягоды и грибы.

В лесах Вологодской области я впервые по достоинству оценил всю ценность ягод, когда нам с местным товарищем, экипированным в полном «вооружении» (с ружьем, компасом и картой «киллометровкой»), довелось заблудиться недалеко от дома.

Вначале, я покорно шел за своим более опытным проводником, будучи уверенным, что мы вот-вот выйдем из этой западни. Но, когда примерно через полтора часа мы забрели в такой бурелом, что в моем сознании стали всплывать сценки из к/ф «Морозко» и – почему-то – вспомнился Иван Сусанин, я мягко, но настойчиво убедил своего товарища в том, чтобы тот передал бразды правления в мои руки. Ни в коей мере не считаю себя опытным в подобной ситуации, но когда через полчаса мы вышли в полукилометре от нашей деревни, то я, наряды с облегчением, испытал даже некую гордость за свою пустынную Родину.

В узком кругу моих друзей даже существует такой короткий анекдот: «Таджик – грибник». Это про меня. А все потому, что в один из периодов очередного страстного увлечения, я не на шутку загорелся желанием узнать о грибах буквально все, что о них написано. Для этого я записался в Российскую Национальную Библиотеку (тогда еще – М. Е. Салтыкова-Щедрина), в которой торчал целыми днями, изучая научные рефераты, посвященные микологии.

И, надо отметить, труды мои не пропали даром. Плодами моих творческих изысканий явилось то, что в конце апреля, к огромному удивлению тестя и тещи, я принес на «обед» с десяток сморчков, произраставших как раз в тех самых местах, что вычитал в ученых книжках. Обычные люди привыкли ждать осеннюю пору, когда грибы сами лезут тебе в корзину, а потому – думать, что их можно собирать чуть ли не круглый год – это как-то не совсем укладывается в голове. Вот почему, можно рассматривать мой данный акт, как один из немногих приемов, способствующих завоеванию и покорению сердец моих новых родителей. «Тихая охота» и по сей день является моей слабостью.

Еще одним совершенным чудом явилась для меня настоящая русская печь. Видать, не случайно на Руси дома строились «от печи». Она и согревает и кормит и даже позволяет просто, ничего не делая, повалиться на себе. Последнее мне более всего пришлось по душе. Сразу же, в воображении всплывает образ Емели, и начинаешь задумываться о «недоработках» Создателя, который не удосужился позаботиться о «полноценном» отдыхе Его главного творения – человека...

И вы меня ещё спрашиваете, за что я полюбил Россию?

Табор, ушедший в небо

Очередной приезд Н. – кандидата медицинских наук, цыгана по национальности – как раз совпал с началом капитализации России и бурным ростом цен: к тому времени, всё уже было разворовано и «честно», «по-братски» поделено. Естественно, втайне от сумасшедшего народа. Петербург не являлся исключением.

Решившись прогуляться по Невскому, мы незаметно для себя свернули на Большую Конюшенную и очутились вскоре внутри здания ДЛТ (Дом ленинградской торговли), аналога московского ГУМа или ЦУМа. Надо ли говорить, насколько изменился его облик с советских времен.

Нашему ошарашенному взору предстало всё буржуйское великолепие, которое раньше было доступно лишь на экране телевизора. Тут и там сверкали ослепительные витрины, с невиданным прежде товаром и непонятными для обычного смертного ценниками, заканчивающимися многими нулями. Все впечатляло и выглядело привлекательно, шокируя и гипнотизируя скудный ум обывателя, привыкшего видеть на прилавке только соль, сахар и спички...

И вот, находясь в эпицентре этой сказки, мой товарищ, как бы в прострации, окидывая изумленным взором весь этот блеск, медленно и глубокомысленно изрек, обращаясь скорее к самому себе, чем ко мне:

– Да-а... Я понял только лишь одно: надо воровать, воровать и ещё раз воровать.

В эту минуту я – как никто – понимал, что творилось в бедной цыганской душе, а потому был вполне солидарен с его почти ленинской формулировкой, означающей всего лишь одно: рассчитывать в наше время на обычную зарплату не только бессмысленно, но даже глупо, если не сказать, преступно...

Туалетная история

Одним из самых прибыльных видов деятельности, в эпоху «гласности» и «перестройки», являлся «туалетный бизнес». И в этом, казалось бы, не было ничего удивительного: «Любовь приходит и уходит, а какать хочется всегда...» Серёге каким-то чудом удалось устроиться в одну из подобных «престижных точек». И, не где-нибудь, а в самом сердце Питера: за Исаакиевским собором, на территории Александровского садика, в миниатюрном кирпичном заведении, не лишённом архитектурного изыска. Словом, свезло парню...

Не повезло ему только с неразлучным товарищем.

Лева, типичный петербуржец, с аристократическими манерами, начитанный и в меру эрудированный, весьма эффектно выделялся среди Серегиных друзей. С ним и в самом деле, было интересно общаться: он обладал своеобразным тонким чувством юмора, его суждения, порою, носили философский оттенок, а сам он выглядел подтянутым и элегантным, всегда стараясь быть опрятным и открытым к дамам и жизни. В разговоре с противоположным полом, Лева настолько преображался, что его невозможно было узнать: это была сама Галантность и Учтивость.

Кроме того, он неплохо играл в преферанс, да вдобавок ко всему, как и любой нормальный петербуржец, не прочь был выпить и порассуждать на отвлеченные темы. К сожалению, именно, это – последнее – пожалуй, и являлось его истинным пристрастием.

С ним было интересно только до «третьей рюмки». Однако он очень быстро хмелел и вскоре, алкоголь напрочь вышибал из него последние остатки аристократизма, низводя до статуса обычного бомжа.

В один из дней, Лева забрёл в гости к своему товарищу, на работу.

Здесь, следует отметить, что Серега очень дорожил своей работой. Еще бы: кроме обычной платы за пользование туалетом (один рубль), тут собирались фарцовщики, иностранцы и всякого рода авантюристы и сомнительные личности, шустро проворачивающие в «удобном» заведении свои дела, продавая и покупая различную иностранную валюту и – как правило – «отстёгивая» за это положенные проценты хозяину «точки». Впрочем, настоящим хозяином (а вернее – хозяйкой) была одна предприимчивая особа, в руках которой была сосредоточена целая сеть таких платных туалетов. Каждый день Сережа ездил куда-то, в контору, сдавать выручку. А в конце дня, подсчитывал свой «навар». Словом, жилось неплохо...

Приход Лёвы явился как никогда кстати: Сереге необходимо было сдать выручку.

– Побудь вместо меня немного? – умоляюще обратился он к другу. – Я мигом: туда и обратно.

– Какой разговор? Конечно! – быстро сориентировался Лева. Он уже успел где-то «вмазать», и ему не хватало только добавить. Вот только с деньгами было туго...

Когда через полчаса хозяйка случайно нагрязнула с проверкой, то она застала трогательную картину, достойную кисти великих передвижников.

За столом, уронив голову на собственные руки, всюю храпел довольный Лева, смачно причмокивая губами и истекая живописной слюной. Сбоку от него, на столике стояла картонная табличка – такса за вход, на которой обычной шариковой ручкой была перечеркнута «единичка», а вместо неё старательно выведена «двойка». Чуть поодаль, в углу валялась пустая бутылка...

На следующий день Серега был уволен.

Суровые законы жизни

Мой близкий друг, родственники которого живут на Полтавщине, делится своими впечатлениями от поездки на Родину. Мне – родившемуся в советские времена – совершенно излишне рассказывать о гостеприимстве, об открытой и щедрой душе простого украинского селянина, а потому, Алексей, с присущим ему юмором, сразу приступает к самому главному:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.